

РУСЬ БОГАТЫРСКАЯ

ВИКТОР ПОРОТНИКОВ

Легендарный ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

Первый русский крестоносец

Русь богатырская

Виктор Поротников

**Легендарный Василий Буслаев.
Первый русский крестоносец**

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Поротников В. П.

Легендарный Василий Буслаев. Первый русский крестоносец / В. П. Поротников — «Яуза», 2017 — (Русь богатырская)

ISBN 978-5-04-089922-7

Исторический роман о прославленном богатыре, русском витязе, превзошедшем всех европейских рыцарей. Новгородские ладьи принимают боевое крещение в водах Иордана и Мертвого моря!

1147 год. Чтобы защитить от сарацин Гроб Господень, христиане выступают во Второй Крестовый поход. По пути в Иерусалим к крестоносцам присоединяется дружина легендарного Василия Буслаева. Под его началом новгородские ушкуйники не раз ходили в речные набеги до самого Хвалынского (Каспийского) моря, наводя ужас на «поганных» и захватывая богатую добычу, а сам Васька прославился на всю Русь не только отвагой, удалью и ратными подвигами, но и дикими загулами и пьяными выходками. И вот теперь он наконец взялся за ум, решив искупить былые прегрешения на Святой Земле. Вместе с ним на защиту Царства Небесного отправляются и его друзья-побратимы, поклявшиеся спасти от неверных Гроб Господень. Немногим русским крестоносцам суждено вернуться живыми из этого похода...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089922-7

© Поротников В. П., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвертая	35
Глава пятая	44
Глава шестая	49
Глава седьмая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Виктор Поротников Легендарный Василий Буслаев. Первый русский крестоносец

Часть первая

Глава первая Старые обиды

– Васька Буслаев возвернулся!.. Слух этот прокатился от пристани по всей Торговой стороне, через Великий мост перекинулся и на Софийскую сторону. Кто-то поверил в это, кто-то нет. Были среди новгородцев и такие, кто побежал на берег Волхова увидеть своими глазами, правда ли?

Оказалось – правда.

Вон, стоит у причала червлёный буслаевский корабль со спущенным парусом и оскаленным драконом на носу. По сходням спускается сам Василий, в красных сафьяновых сапогах, в цветастом кафтане, в лихо заломленной шапке с меховой опушкой. Следом вышагивают молодцы его бесшабашные, высокие да плечистые. Все в шелках и бархате. Два года не было о них ни слуху ни духу. И вот объявились!

– С товаром али как? – суетился перед Василием мытный староста.

– С товаром, Евсеич, с товаром! – щуря на солнце глаза, отвечал Василий.

Евсеича он знал с малолетства, еще босоногим сорванцом таскал тайком бублики с маком из его лабаза на торжище. К слову сказать, лавка Буслая, отца Василия, была почти напротив лавки Лавра Евсеича. И хотя друзьями Буслай и Лавр никогда не были, но при встрече всегда шапку друг перед другом снимали.

Крепко встать на ноги торгашу Лавру Евсеичу не давали его извечные долги да женка-транжириха.

Сколько помнил его Василий, даже приодеться, бедолага, не мог как следует. А тут вдруг на нем подбитый мехом опашень, сапоги яловые, на голове шапка-мурмолка scarлатная. Вид как у старосты, но держится Евсеич, простая душа, как и прежде, будто только что с воза слез: ни надменности в нем нет, ни строгости во взгляде.

– Надолго ли в Новгород? – улыбаясь щербатым ртом, вопрошал Евсеич, глядя на Василия снизу вверх. – В каких землях-далях побывал, соколик?

Василий широко улыбнулся от переполняющей его радости и незамедлительно ответил:

– Насовсем вернулся, Евсеич. А где бывал?.. Да где только не бывал! Дня не хватит, чтобы обо всем поведать.

Евсеич изумленно качал головой, по старой привычке прищелкивая языком. Его жиденькая борода торчала козликом, рот открылся сам собой, округлившись от безмерного удивления и любопытства глаза так и шарили по золотой гривне и перстням, сверкавшим на пальцах Василия.

Василий не удержался и хлопнул мытника по плечу, тот еле устоял на ногах:

– Ну что, Евсеич, большую мыту с меня сдерешь?

Евсеич поправил на голове едва не слетевшую шапку и, опустив очи, ответил:

– Да что ты, Васенька! Как со всех, так и с тебя.

– Разве часто заходят в Новгород ладьи, груженные золотом-серебром? – с хитрой усмешкой поинтересовался Василий. И словно в подтверждение своих слов высыпал из кошеля, привешенного к поясу, горсть серебряных монет и швырнул в обступившую его толпу. – Берите, люди добрые! Для своих земляков ничего не жалко! Пейте за мое здоровье!

Василий с размаху запустил в народ еще одной горстью серебра.

Толпа смешалась. Люди толкались, подбирая деньги с деревянной мостовой, вырывая их друг у друга. Где-то образовалась куча-мала, где-то вспыхнула драка.

Василий со смехом взирал на происходящее, уперев руки в бока.

Кто-то из его дружков тоже бросил народу монет горсть-другую. Вид дерущихся и ползающих на коленях мужиков забавлял буслаевских молодцев не меньше, чем их жоака.

– Ты же молвил, что с товаром прибыл, – зашипел на Василия мытник, которому не нравилось, чтобы деньгами швырялись просто так, ради забавы. – Слукавил, значит! Только на берег ступил, сразу за старое принялся!

– Чем тебе золото-серебро не нравится, старик? – Василий перестал смеяться, хотя давка на пристани продолжалась. – Этот товар – всем товарам товар! С ним не сравнится ни скора, ни мед, ни жемчуг! Странно, что ты – мытник, а сего не разумеешь!

– Учить меня будешь! – проворчал Евсеич. – Толковые люди золото-серебро в оборот пускают, меняют на товар какой ни есть, само по себе золото ценится лишь как украшение для глупых баб да дурней вроде тебя. Жаль, отец твой не дожил, – славный был купец! – он бы тебе растолковал, что к чему.

– Я и сам ныне купецкой премудрости обучен, – промолвил Василий и небрежным жестом протянул мытнику несколько золотых солидов.

Евсеич оскорбленно вскинул голову и отвернулся. Сказал сухо:

– Со золота мыту не берем, а токмо с товаров.

И зашагал прочь вдоль кромки причала мимо изогнутых корабельных форштевней, украшенных звериными головами, мимо беснующейся толпы, громко славившей щедрого Буслаева сына.

«Ну, теперь не жди покою, – сердито думал мытный староста, – разбогател в дальних землях Васька-оболтус, а ума так и не набрался! Опять достанется от него лиха новгородцам. Ох достанется!»

В дом вдовы купца Буслая весть о возвращении ее блудного сыночка принес конюх Матвей, покупавший подковы на торгу. Вбежав в теремные покои, Матвей грохнулся на колени и, еле переводя дух после быстрого бега, воскликнул:

– Матушка Амелфа Тимофеевна, сын твой в Новгороде! На пристани он народ деньгами покуда одаривает. Меня как увидел, так в объятиях чуть не задушил. Беги, говорит, к матушке, пусть столы накрывает.

От столь неожиданной вести ноги у вдовы подкосились, она бессильно опустилась на скамью, схватившись рукой за сердце. Ее большие глаза набухли слезами, бледность разлилась по щекам.

– Услыхал Господь мои молитвы, – прошептала вдова сухими губами и осенила себя крестным знаменiem.

Любимая служанка Амелфы Тимофеевны Анфиска по прозвищу Чернавка замерла на месте, забыв на какое-то время про пряжу, разложенную на широкой скамье. В девичьих глазах не было слез, лишь выражение нескрываемой дикой радости, отчего вмиг преобразилось круглое румяное лицо Анфиски с черными восточными бровями и пунцовыми губами, по которым сохла вся мужская челядь в доме купеческой вдовы.

Бесстыдство Анфиски было хорошо известно Матвею. В свое время она допустила к своему роскошному телу юного Буслаевича, едва тому минуло пятнадцать годков, поэтому конюх неодобрительно взирал на темноокую служанку из-под нависших бровей.

«Два года сохла по Ваське, да так и не высохла! – промелькнуло в голове у Матвея. – Обрадовалась, что вертаются сладкие ночи. Бесстыжая!»

– Матвей, вели холопам двор подмести, – придя в себя, промолвила Амелфа Тимофеевна. – Во дворе столы поставим. Чаю, гостей немало набежит, в доме-то тесно будет.

Конюх поклонился:

– Будет сполнено, матушка.

Уходя, Матвей не удержался и кольнул Анфиску неприязненным взглядом.

Служанка не осталась в долгу и показала конюху язык, видя, что ее госпожа в глубокой задумчивости отвернулась к слюдяному окну.

Вспомнилось Амелфе Тимофеевне, как два лета тому назад сын ее скликал за собой в далекие края молодцев, охочих до весла и топора, как шумел до поздних сумерек пир честной на том же дворе; Василий пил зелено-вино, брался со своими дружинниками молодыми. Тридцать молодцев уводил за собой Василий, многие ли назад воротились?

«Главное, сам вернулся живой-здоровый!» – подумала Амелфа Тимофеевна и вновь перекрестилась.

Знала она, что многие бояре и купцы новгородские недолюбливают ее сына за шалости его – поначалу безобидные, вроде разбитых носов и обливания прохожих холодной водой в зимнюю стужу, но с годами превратившиеся в буйство и откровенные непристойности. Соблазнение девиц и жен стало для повзрослевшего Василия обычным делом, как и драки и справление языческих игрищ летними ночами в лесу над Волховом.

Недовольны были Василием и священники новгородские, и судьи, на которых так и сыпались жалобы на него, и купечество с боярством, оберегавшее от буйного Василия своих сынов и дочерей.

Амелфа Тимофеевна видела, с какой радостью все эти люди провожали корабль Василия в дальний путь, помнила слова, какими втихомолку напутствовали именитые новгородцы ее единственного сына, – молили Бога, чтобы сгинул он навсегда. А Васенька ее назло всем взял да и назад воротился! Выходит, только ее материнским молитвам внимал Господь-Вседержитель, а все прочие молитвы мимо ушей пропускал.

На почестен пир собрались во дворе у Амелфы Тимофеевны кроме нее самой, сына ее долгожданного и сыновних дружинников вся ее родня, дальняя и близкая, соседи и родственники тех молодцев буслаевских, кои были родом из Новгорода. А таких было без малого половина. Остальные – все ребяташки пришлые, иные почти задарма горбатились грузчиками или в смолокурнях, иные приворовывали, покуда не собрались вокруг Васьки Буслаева. Теперь-то, глядя на них, не скажешь, что они с нуждой знают, разодеты все, будто бояричи!

И ведь всех до одного привел назад Василий, никто из его ватажников не сгинул на чужбине!

За столом Амелфа Тимофеевна сидела рядом с сыном и все насмотреться на него не могла! До чего же он стал пригож! Золотые кудри так и выются, синие очи так и блестят, будто камни дорогие. Широченным плечам его тесновато под шелковой рубахой, крутые мускулы так и перекатываются под рукавами.

Василий уже устал рассказывать о своих похождениях по Волге-реке, на Хвалынском море и у Кавказских гор. Ходила его ладья и по Каме, и по Тереку... Неспроста Василий и дружки его так загорели: южное-то солнце щедрее северного!

Допоздна засиделись гости на дворе у Амелфы Тимофеевны, лакомились щедрым угощением, пили вино греческое и хмельной мед, расспрашивали молодцев Василия о виденном и пережитом на чужбине, пели песни веселые и грустные. Снова принимались за еду, поднимали чаши и опять пели хором под рокот гусельных струн.

На гусях играл Потаня Малец, единственный в буслаевской дружине не выделявшийся ни силой, ни ростом, да к тому же и хромой. Зато во многих ремеслах Потаня был смыслен, врачевать умел, языки многие знал. За советом дельным Василий шел не к кому-нибудь, а к Потане. И голос у Потани был красивый, чистый да звонкий. Запевала из него хоть куда!

Когда опустились сумерки и вызвездило далекие небеса, будто рассыпались светляки на Господних лугах, стали слипаться глаза у почтенной Амелфы Тимофеевны. Отправилась вдова спать, поцеловав еще раз сына и извинившись перед гостями. Уже лежа под одеялом в своей высокой горенке окнами в сад, она слышала, как высокий голос Потани выводит печальную песнь:

Это было в те времена да в стародавние;
Собирались в поход тридцать ушкунников
В земли дальние, ко Руюну-острову.
Да уходили они по весне из Новгорода...

Это была любимая песня Василия.

Под эту грустную мелодию и заснула Амелфа Тимофеевна, довольная и счастливая.

Анфиска же, наоборот, не сомкнула глаз, покуда гости не разошлись, все ждала подходящего момента, чтобы ущипнуть Василия за руку. Это был один из тех тайных знаков, которыми служанка и купеческий сын обменивались с той поры, как однажды слились воедино их тела на темном сеновале.

Василий за прошедшие два года разлуки еще больше возмужал, шутка ли – двадцать два года стукнуло молодцу, волосы отрастил почти до плеч, усы отпустил. Анфиска тоже похорошела, будто соком налилась, хоть и была старше Василия на три года.

Наконец момент представился. Но Анфиску вдруг охватило смущение, когда Василий, приподняв голову за подбородок, заглянул ей в очи. Движения и взгляд стали у Василия какими-то другими, более мужскими, что ли. Василий понял немой призыв служанки.

Промолвил тихо:

– Не забыла, где светелка моя? Приходи, помилуемся!

Промолвил и тут же ушел в терем, скрылся во мраке переходов.

На дворе стояли столы с объедками, тускло светились в лунном свете серебряные кубки и ендовы; храпели не в меру упившиеся гуляки, сыновья боярина Крутислава и купчишка Амос. Холопы Амелфы Тимофеевны заботливо уложили их на телегу, стоявшую под дощатым навесом.

Анфиска стояла на крыльце, прислонившись к перилам. В душе ее разрасталось непонятное чувство не то разочарования, не то обиды. Она ожидала от Василия поцелуя и совсем иных слов, хотя бы иной интонации. Будто не были они столько зим и весен в разлуке!

«Да полно! Кто я ему, в конце концов? – успокаивала себя служанка. – Он – господин, а я – прислуга. И в постели – прислуга!»

Успокоение не пришло, наоборот, к горлу Анфиски подступил горький ком.

А может, не ходить? Порой и холопы господ учат! Анфиска стиснула зубы, собирая в кулак свою волю. Да, она не пойдет! Не пойдет. Пусть-ка Васенька прождет ее впустую!

Вся челядь уже спать улеглась. Вот и она сейчас отправится в свою уютную светлицу и...

«Даже не поцеловал, негодный! – мысленно негодовала Анфиска. – Ведь никто бы не увидел. Небось на чужбине-то частенько девиц лапал, вот и возгордился Васенька. А отроком только за моей юбкой и гонялся!»

Поднимаясь по ступенькам в женские покои, Анфиска изо всех сил разжигала в себе злость против Василия, но та никак не разгоралась. Зато ярким пламенем полыхала обида в сердце чувствительной Чернавки. Так и не дойдя до своей опочивальни, она повернула назад, без свечи находя дорогу в темных хоромах к той заветной светелке, которая манила ее и в отсутствие Василия.

«Прошло то время, когда Васенька у меня ласки выпрашивал, ныне мой черед», – то ли оправдывая себя, то ли негодуя, думала Анфиска.

* * *

Наутро Амелфа Тимофеевна в свою очередь поведала сыну за завтраком о своем житье-бытье в его отсутствие.

– Из пяти ладей на плаву остались лишь две, – рассказывала вдова. – Одна ладья каждое лето ходит до Онежского озера, там у вожан меняем меха на железо. Другая ходит до Киева Великим днепровским путем. Закупаем в Киеве хлеб, ткани царьградские, вино греческое. Немецкое вино мне не по вкусу. Купцы из Любека много своего вина в Новгород привозят. Девать некуда!

– Почто в такую даль за хлебом ездите? – спросил у матери Василий. – Отчего ближе не покупаете, у тех же суздальцев?

– Да кабы наше вече жило мирно с суздальцами, – недовольно проговорила Амелфа Тимофеевна, женщина твердого нрава и прямых речей. – Ведь из года в год какая-нибудь распря случается: то суздальцы оружием загремят, то наши олухи царя небесного! А торговля стоит.

– Стало быть, матушка, за два года трех кораблей ты лишилась. От разбою пострадала иль от козней водяного?

Амелфа Тимофеевна подлила сыну яблочной сыты и стала перечислять:

– Ну, на одной ладье ты уплыл, на самой лучшей. Другая на камни налетела в верховьях Ловати еще в позапрошлом лето, большой убыток тогда я понесла. Третья потонула в бурю на Ладожском озере, возвращаясь с Онежского. Случилось это прошлой осенью, в канун Семенова дня. Тогда же у Дорофея Пьянковича ладью волнами перевернуло и Влас Фомич также корабля лишился. И корабль-то у него был новехонький!

– А чего это Влас Фомич на пир к нам не пришел? – поинтересовался Василий. – Я посылал холопа к нему в дом, так он его на порог не пустил.

– Эх, Васюта, – вздохнула Амелфа Тимофеевна, – зол на тебя Влас Фомич. Сын-то его старший, которого ты в драке покалечил, так и не оклемался, помер, сердешный. Ты отплыл из Новгорода в мае, а он уже в июле Богу душу отдал. – Вдова перекрестилась.

Василий понимающе покивал головой, сдвинув густые светлые брови. Не думал он, что шалости его молодецкие так аукнутся ему спустя годы.

– Ну а младший сын Власа Фомича что поделывает? Небось тоже купец?

– Обалдуй он, а не купец, – возразила Амелфа Тимофеевна. – Ему бы только в кости играть. И в кого такой уродился?

– Боярин Твердило до сих пор зло на меня держит?

– Да уж не забыл он выходки твои, сынок, – с укоризной в голосе промолвила Амелфа Тимофеевна. – Брат его, которого дружки твои оглоблей по голове приложили, с ума-то спрыгнул. Как опосля ни лечили его, так дурнем и остался. Увез его Твердило в свой дом загородный, там и держит до сих пор. Меня как увидит боярин Твердило, так и ощерится, будто пес бешеный. Либо же плюнет и на другую сторону улицы перейдет.

– Я живо отучу его плевать-то! – с угрозой произнес Василий, отодвигая от себя тарелку с рыбными расстегаями.

– Не задирай ты его, Вася, – встрепелась Амелфа Тимофеевна, – горе ты причинил Твердиле. Это понимать надо и не судить строго человека.

– Этот человек, матушка, своему холопу глаз выбил, а когда я вступился, так брат Твердилы обухом топора мне чуть голову не проломил, хорошо, шапка на мне была, – сказал Василий, сверкнув глазами. – Костя Новоторженин правильно сделал, что приласкал

выродка оглоблей, а не приласкал бы, так, может, не быть бы мне живу. Выродки они оба – Твердило и брат его! Бояре, а с топорами не расставались, словно тати придорожные.

Испортилось настроение у Василия после разговора с матерью.

Ему не было дела до злобствующего Твердила и брата его полоумного, а вот сына Власа Фомича было жаль. Не держал на него злобы Василий, ну подрались они с ним, так с кем он только по молодости не дрался!

Прогулка по новгородским улицам, по торжищу и пристаням ненадолго развеяла неприятные мысли в голове у Василия. Он будто заново открывал для себя красоты родного города, любовался белокаменными стенами и башнями детинца, величественными главами Святой Софии, видимыми отовсюду, высокими теремами бояр и купцов. Вдыхал полной грудью, стоя на мосту через Волхов, воздушные струи, наполненные речным запахом.

Могучая река все так же широко и вольготно катила свои темные воды меж низких берегов, бурля небольшими бурунами у бревенчатых опор моста.

Вместе с Василием гуляли его дружки-побратимы Потаня, Костя Новоторженин, Фома Белозерянин и Домаш Осиневич. Вся четверка жила на подворье у Амелфы Тимофеевны, поскольку никто из них не имел в Новгороде ни семьи, ни угла. По уговору, дружинники Василия по возвращении в Новгород должны были разойтись кто куда, поделив злато-серебро. Дележ уже состоялся, но расходиться ватажники не торопились. Может, у Василия Буслаевича еще какой-нибудь замысел появится?

Василия и его дружков узнавали всюду. Где холодным квасом угостят, где добрым словом попотчуют. За бедных людей Василий заступался в любую пору своей жизни. Вот почему простой люд был рад его возвращению. Знать же косилась на Василия недовольно и с опаской: «Ишь, шапку заломил! Как в былые времена. Принесла вас нелегкая!»

На Прусской улице столкнулся Василий с молодой женщиной в расшитом узорами белом платье до пят, в голубом убрусе под цвет глаз, больших и красивых.

Вдруг шевельнулось что-то в душе у Василия, пробудились в голове воспоминания, хотя красotka и не взглянула на него.

– Любава! – окликнул Василий.

Молодица остановилась, смерила Василия взглядом.

– Не признаешь разве? – Василий подошел к ней. – А помнишь, два лета тому назад...

– Не помню, – с ходу перебила красавица. – И тебя я не признаю. Дай пройти!

Но Василий, наоборот, загородил дорогу.

– Ты разве не Любава, Улебова дочь?

– Она самая, – поджав губы, ответила молодица. – Что с того?

– А я – Василий, сын Буслая. – Василий широко улыбнулся. – Вспомнила? Гуляли мы с тобой как-то ночи напролет, целовались в кустах смородины в огороде у отца твоего.

Красавица криво усмехнулась, слегка сощутив свои большие очи.

– Отнял ты в одну из ночей честь девическую и исчез неведомо куда, – сказала она гневно. – Надо же, вспомнил! Спусти два года. Небось не столкнулись бы, так и не вспомнил бы! А я... сколь слез пролила, глупая. Чего глядишь? Думаешь, на шею к тебе кинусь? Была нужда!

Обойдя Василия, синеглазая Улебова дочь горделивой походкой направилась дальше по залитой солнцем улице.

Василий посмотрел на друзей, те смущенно топтались на месте. Василий снова глянул вслед удаляющейся красавице. Подумал невольно: «Вот ты какая стала, Любавушка!»

Василию захотелось догнать ее, подхватить на руки, вымолить у нее прощение. Пред такой красотой писаной и на колени стать не зазорно. Но что друзья о нем подумают? Скажут, мол, ослаб душою их вожак!

И Василий не решился на этот шаг, хотя сердце его заныло, когда Любава скрылась в переулке. Даже не оглянулась!

Домой Василий вернулся полный хмурой задумчивости. Сел трапезничать с матушкой и друзьями. С Амелфой Тимофеевной вели разговор лишь четверо ее постояльцев. Василий больше помалкивал, постукивая деревянной ложкой о край глиняной тарелки с гороховым супом.

Все подмечала вдова, но вида не показывала. Не всегда же человеку веселому быть, иной раз и взгрустнуть полезно; через грусть-печаль, говорят, сердце очищается.

Ночью к Василию опять пришла Анфиска.

После ледяной встречи с Любовью Василий более страстно обнимал и ласкал любвеобильную служанку, чем доставил ей необычайное наслаждение.

Когда прошел порыв страсти, мысли Василия сами собой настроились на прежний лад. Он лежал на спине, закинув руки за голову, и наблюдал, как Анфиска водит пальцем по его груди.

Пряди ее темных распущенных волос слегка щекотали живот и бедро Василия. Анфиска никогда не стеснялась показывать свою наготу. Видимо, это осталось у нее от той жизни, когда она была танцовщицей у болгарского вельможи. Вельможа этот обожал танцы обнаженных рабынь. Вертеть бедрами, как это нравилось вельможе, Анфиска так и не научилась и была продана проезжим арабским купцам, а те, в свою очередь, продали неумелую танцовщицу Амелфе Тимофеевне на новгородском торгу.

– Скажи, Анфиса, ты рада моему возвращению? – неожиданно для самого себя спросил у служанки Василий.

– Разве это не заметно? – ответила служанка и положила голову Василию на грудь.

Василий погладил рукой мягкие Чернавкины кудри, а перед глазами у него была Любава, русоволосая и синеглазая. С какой неприязнью она тогда на него посмотрела!

Василий рассказал Анфиске о своей нынешней встрече с Любовью.

Служанка внимательно выслушала его, сидя рядом на постели и обняв свои округлые колени.

– Не пойму, чего она на меня так взъелась? – посетовал Василий. – Когда-то Любава души во мне не чаяла и вдруг...

– Да не вдруг, Васенька, – задумчиво произнесла Анфиска, – не вдруг. Забеременела от тебя Любава и отцу с матерью в том призналась, а ты с другой загулял, с Бориславой. Помнишь? Потом ты Нифонтову женку соблазнил, которая чуть мужа своего не бросила ради тебя. А ты снарядил кораблик крутобокий, собрал ватажку сорвиголов и сгинул надолго. Любава же дочку родила в позапрошлую зиму и назвала ее Василисой.

– Так вот в чем дело! – обрадованно воскликнул Василий. – Что же Любава сама мне об этом не сказала? Стало быть, дочь у меня есть!

– Гордая она, – тихо сказала Анфиска. – Не в пример многим.

По ее интонации было понятно, что она в душе восхищается Любовью.

– За это и любя она мне, – вырвалось у Василия.

– Пойду я, Вася, – еле слышно промолвила Анфиска, – а то скоро светать начнет.

– Обиделась, что ли? – Василий взял служанку за руку.

Анфиска сердито отняла руку.

– Не за себя, – сердито обронила она, – а за тех девиц и молодежи, коими ты побаловался и бросил, словно игрушку ненужную. Ах, как это жестоко, Вася!

– Ты о ком это? – насторожился Василий. – О Бориславе, что ли?

– И о ней тоже. – Анфиска стояла на полу и натягивала на себя поневу, узкую юбку. Вдруг она замерла и сказала с горечью: – Утопилась она, Вася. Как ты в поход ушел, в том же месяце и она в омут головой. Непраздная, говорят, тоже была.

Словно пожалев о сказанном, Чернавка торопливо оделась и выскользнула из спальни, неслышно притворив за собой дверь.

Василий несколько минут сидел на кровати, свесив ноги на пол, оглушенный столь страшной вестью. Борислава! Как же она решилась на такое?! Куда родичи ее глядели?

«От бесчестья спасалась девица, – мелькнула в голове у Василия осуждающая мысль. – При чем тут родичи, дурень!»

Василий сжал голову ладонями, безмолвно покачиваясь из стороны в сторону. На нем смерть Бориславы, только на нем!

Сколько басурман сразил Василий из лука, сколько лишил жизни топором и копьем, грабя торговые суда на просторах Хвалынского моря, но смерть всех этих людей, вместе взятых, не тревожила его совесть, и сожалений о них не было в нем. Тысячи иноверцев, умершие в одночасье, не поразили бы воображение Василия сильнее, чем добровольная смерть девушки, обезумевшей от горя и отчаяния.

* * *

Богат и славен Господин Великий Новгород! Вольно раскинулся он по обоим берегам Волхова. На левом, высоком берегу возвышается крепость-детинец с прекрасным Софийским собором. Потому и зовется вся левобережная сторона Софийской. Из детинца во все стороны ведут ворота. На юг – к Гончарному концу. На север – к Неревскому. На запад – к Загородскому.

Концы – это городские кварталы. Гончарный и Неревский – концы старые. Заселили их еще прапрадеды нынешних новгородцев. В стародавние времена по берегам Волхова обитали разные племена. На том берегу, на Словенском холме, жили славяне ильменские. А там, где Неревский конец, были поселения финских племен – мери и веси. Рядом с ними соседствовали славяне кривичи и литовское племя пруссов.

Каждое племя жило отдельно до поры до времени. Но пришлось однажды племенам вступить в союз, чтобы общими силами обороняться от врагов, строить укрепления. И постепенно смешались, породнились эти разные племена. Селения их слились воедино, огородились общей крепостной стеной. Возник на этом месте большой укрепленный город с причалами для кораблей и святилищами богов. Все жители называли себя славянами, а город свой именовали по новой крепости над Волховом – Новгородом.

Память о былом хранят городские названия: Неревский конец – по старому Меревский – от племени мери; Прусская улица – в память о пруссах; Словенский конец – в память места, где некогда обитали ильменские славяне.

На низком правом берегу Волхова раскинулась Торговая сторона, названная так по большому новгородскому торгу. На правобережье было два квартала – Словенский и Плотницкий.

Собрались ныне на снем в церкви Святого Николы Никольская братчина, объединение новгородских корабельщиков, строителей морских и речных судов, названная так по месту своих сборов. В Плотницком конце из всех торговых братчин Никольская была самая многочисленная и богатая. Еще бы! На возах далеко ли товар увезешь, а на ладьях вези хоть в Киев, хоть к варягам, хоть в Царьград!

Ни один купец новгородский без корабля не обойдется. Иные купцы имеют по десять-пятнадцать судов, на которых вывозят в дальние страны свои товары, а привозят заморские. Покуда жива торговля в Новгороде, будут процветать и корабельщики в Плотницком конце.

О снеме у Святого Николы Василий узнал от матери, которая в свою очередь проведала об этом от соседа Нифонта, состоящего в братчине корабельщиков уже не первый год.

Спесив и жаден был купец Нифонт и соседство свое с Амелфой Тимофеевной проклинал с той поры, как ославила его бестолковая супруга, бегавшая за юным Василием.

Однажды застал их Нифонт у себя на снях, и памятью о том случае служит ему выбитый передний зуб – крепко приложил ему тогда сынок Амелфы Тимофеевны.

Ждал Василий, что и его пригласят корабельщики на свой снем, ведь отец Василия до самой смерти состоял в Никольской братчине, не последний он там был человек. Но напрасны оказались его ожидания.

– А ты сам заявишься к ним, – посоветовал Василию Потаня Малец. – На взошедшее солнце глаза закрывать бесполезно.

– Не пойму, какой прок от этого Василию? – пожал могучими плечами Костя Новоторженин.

– Прок в том, что должен Василий занять отцовское место в Никольской братчине, – со значением проговорил Потаня. – Пора удалства миновала. Среди умных надо быть умным, среди купцов – купцом.

– Молодецкое ли это дело – товар на гривны менять? Когда гривны эти и так взять можно, была бы рука сильна и ретиво сердце, – молвил Фома Белозерянин. – Прав ли я, Вася?

– Конечно, прав, брат Фома, – ответил Василий, – но правота Потани ныне более к месту, нежели твоя.

– Тогда чего же мы сидим?! Пошли к Святому Николе, пока там все меды не выпили! – как ни в чем не бывало промолвил Фома.

Ему было все равно, что на снем идти, что на медведя, лишь бы не сидеть на месте.

– А ты что скажешь, Домаш? – повернулся к побратиму Василий.

– Я согласен с Потаней, – коротко ответил молчаливый Домаш.

– Тогда идем на снем, други, – решительно произнес Василий и первым поднялся со стула.

Имовитые торговцы кораблями и корабельными снастями были не столько удивлены, сколько поражены, увидев в закругленном дверном проеме Василия в белой рубахе с пурпурным оплечьем, в заломленной собольей шапке с парчовым верхом, и четверых его дружков-побратимов, из которых лишь Потаня был одет довольно скромно. Остальные красовались в багряных портах, в разноцветных рубахах из бебрыни – заморской тонкой ткани – и сафьяновых сапогах.

Расталкивая слуг, Василий и его свита приблизились к длинному столу, за которым восседали три десятка бородатых и безбородых мужей-новгородцев – вся Никольская братчина.

Притвор церкви Святого Николы издавна служил купцам местом для их соборищ. Здесь они решали свои насущные вопросы, но перед тем сначала всегда было пиршество: на сытый желудок и голова мыслит лучше. Так было и в этот день.

Василий с легкой усмешкой окинул взором белую скатерть стола, уставленную снедью. На серебряных блюдах громоздились бараньи бока, нежно розовели молочные поросята, отливали золотом острые спины осетров и стерляди. Дышали теплом пироги с мясом и рыбой, с грибами, яблоками, морковью... Сладко пахли варенные в меду овощи. Тут и там возвышались маленькие бочонки с черной икрой, узкогорлые сосуды с вином, крутобокие бражницы и медовухи.

– Поклон именитому собранию! – Василий слегка поклонился, сняв шапку и приложив руку к груди. – Кажись, мы пришли вовремя. Однако по вашим лицам, братья-купцы, я вижу – не рады вы мне. – Василий сделал удивленное лицо.

– Не брат ты нам, – отозвался со своего места старейшина братчины купец Яков Селиваныч, седой как лунь старик. – Проваливай отсель! Не звали мы тебя!

– Отец мой покойный сорок лет в братчине вашей состоял, – сдвинув брови, промолвил Василий. – Коль забыли вы, отцы, так я вам о том напомним. По уставу вашему я, как наследник отца своего, его место среди вас занимать должен.

– Давно помер родитель твой, Васенька, – мягким голосом заговорил помощник старейшины корабельщик Гремислав. – С той поры устав наш поменялся. Теперь не родство важно, а мнение большинства. Большинство же из нас не хотят тебя видеть в нашей братчине. Сам ты виноват, братец. Обильно ты посеял в свое время семена неприязни к себе, и вот взошли те семена!

– Я готов заплатить серебром всем и каждому! – вызывающе воскликнул Василий.

Среди купцов прокатился смех.

– Иль бедны мы, по-твоему? – прозвучал чей-то насмешливый голос.

– Лучше купи ума на свое серебро! – пробасил кто-то с дальнего конца стола.

– Да и что ты можешь, кроме как чужих жен соблазнять? – язвительно выкрикнул купец Нифонт.

У Василия сжались кулаки.

– А ты выдь-ка сюда, крикун, и убедишься, на что я еще гожусь, – угрожающе произнес он, впившись глазами в Нифонта, который сразу примолк.

Потаня тихонько ткнул Василия в бок и прошептал:

– Огонь маслом не гасят! Не дерзостью бери, а смирением.

Не привык Василий смиряться и унижаться не любил, а потому он повернулся и зашагал прочь. Друзья последовали за ним.

Оказавшись на людной улице, Василий преобразился, будто вышел из темноты на свет. Что он забыл среди этих скупцов и тугодумов? Разве не дорожил он всегда своей волей, чтобы по собственному почину отречься от нее ради какого-то устава безмозглых старых пней!

– Эх, не по коню эти сани! – Василий махнул рукой на церковь Николы. И вдруг его лицо озарилось хитрой улыбкой. – Проучу я этих злыдней!

– Что удумал-то? – хмуро спросил Потаня.

– А вот что... – Собрав дружков в кружок, Василий тихим голосом поведал им свою задумку.

Костя Новоторженин засмеялся, выслушав Василия.

– Это по мне, – ухмыльнулся Фома.

Потаня хоть и не одобрил своего жоака, но спорить с ним не стал. Промолчал и Домаш.

Раздобыли молодцы крепкий дубовый кол, пришли к дверям притвора церкви Святого Николы и подперли их снаружи, а чтобы не скоро пришла подмога, сновавших по двору слуг они заперли в поварне.

– Пусть теперь совещаются хоть до поздней ночи, лбы дубовые, – мстительно усмехнулся Василий и подмигнул друзьям.

* * *

Слух об озорной выходке Василия на другой же день облетел весь Новгород. Простые люди смеялись, купцы и бояре недовольно ворчали, мол, опять возвращаются «буйные Васькины деньки». Старейшина Никольской братчины пожаловался посаднику, но у того и так дел было по горло, чтоб еще шалостями буслаевскими заниматься. Ответил посадник Якову Селивановичу так: «Убытку не понесли, и ладно».

Спустя несколько дней Василий, по совету Потани, пришел в братчину воцанников, что собирались в притворе Ивановской церкви. Не приняли торговцы воском от Васи-

лия вступительный взнос, попытались даже силой вышвырнуть его из своего собрания. Молодцы-побратимы вступились за своего жоака, произошла свалка. Сильно намяли бока воцанники Василию и его дружкам, но и те в долгу не остались: кому челюсть свернули, кому глаз подбили, кому руку сломали.

И опять поползли пересуды по Новгороду из конца в конец – одни ругали Василия, другие оправдывали.

В третий раз попытал счастья Василий, теперь уже по совету матери, – в братчине меховщиков. После корабельщиков и торговцев скотом это была самая большая и богатая купеческая гильдия Новгорода. Собирались меховщики в церкви Параскевы Пятницы, что в Словенском конце. Но и там не получился разговор у Василия с надменными купцами, которые не пожелали принимать в свою братчину бывшего разбойного ушкуйника. Были и такие, кто попрекал Василия старыми обидами.

Ушел Василий из церкви Параскевы Пятницы раздосадованный. Изумлялся он тому, как много людей пострадало в прошлом от его шалостей дерзких и как долго люди помнят обиду.

Друзья утешали своего жоака-побратима:

– По пути ли нам с этими крохоборами? Они жизнь свою измеряют кунами да гривнами, выторгованными тут и там, а мы удалью молодецкой! Погуляли два года в чужих землях и вернулись с казной золотой. Охота тебе, Вася, глядеть на эти рожи спесивые!

Только Потаня возражал:

– Грабежом богатство добыть можно, но почести никогда.

Признался однажды Василий Потане, что хочется ему славы громкой, какой обладали Александр Македонский и римские кесари. Читал о них Василий, еще когда учился в школе при Софийском соборе. С тех пор запали ему в душу дела их славные и подвиги ратные. И никто не знал, что отроком, выходя один на стенку, старался Василий хоть в чем-то подражать непобедимому воителю Александру. Да и удалые дела Василия на Волге и Хвалынском море были скорее погоней за славой, нежели за богатством. Но, оказывается, слава славе – рознь. И не всегда удаль молодецкая служит славному имени.

– Сделав худо, не жди добра, – поучала сына Амелфа Тимофеевна. – Ты постарайся мнение о себе переменить. Увидят купцы, что ты остепенился, по-другому с тобой заговорят.

Глава вторая Оборотень

Легко сказать – «перемени мнение о себе», но непросто сделать. И главное, времени на это уйдет много. Александр Великий уже в двадцать лет знаменит был, а Василию ныне двадцать третий год пошел.

– Начни с женитьбы, – посоветовал Потаня. – К женатому человеку и отношение иное, чем к холостяку.

– И то верно! – обрадовался Василий. – Возьму Любаву за себя.

– Пойдет ли за тебя Любава после всего, что было? – засомневался рассудительный Домаш.

– Пойдет, никуда не денется, – самоуверенно заявил Василий. – Завтра же сватов зашлю. Сватами пойдут Фома и Костя!

Амелфа Тимофеевна одобрила выбор сына, но при этом удрученно завздыхала:

– Слыхала я, что кто-то уже посватался к Любаве в позапрошлом месяце и будто бы помолвка состоялась.

– Помолвку и расторгнуть можно, не велика препона, – сказал Василий тоном человека, которому море по колено. – Чай, не кто-нибудь, а я у Любавы руки просить буду. Отец ее, как только подарки мои увидит, враз отдаст мне Любаву.

Однако оружейник Улеб не принял подарков от Василия и сватов его на порог не пустил. Вернулись ни с чем Фома и Костя. Они же сообщили Василию, что Любава в самое ближайшее время замуж выходит. Василия расстроило не то, что красавица Любава выходит замуж, но то, за кого она выходит замуж – за Гришку-кузнеца, первого недотепу во всем тамошнем околотке!

– Значит, ни во что меня не ставит Улеб Иванович, коль променял на такого женишка! – сквозь зубы проговорил Василий. – Ну, не я буду, коль не заплачу ему за это!

– Как мстить-то будешь? – с усмешкой спросил Потаня.

– Ворота дегтем вымажу, – ответил Василий. – Пусть весь город узнает, что Улебова дочка потеряла невинность свою еще до свадьбы!

– Про ребенка Любавино и от кого он, я думаю, и так все знают, – сказал Потаня. – Люди скорее одобряют отца Любавы, чем твою выходку с воротами. Этот квас не про нас, друг Василий. Проглоти обиду и забудь. А не можешь забыть – терпи молча, но вида не подавай. Эдак и взрастет в тебе величие духа.

Ничего не ответил Василий Потане, но в душе согласился с ним. Нелегко перекраивать себя на новый лад, а придется.

Вечером того же дня пришел Василий к Гришкиной кузне. Стояла она за городским валом рядом с прочими кузнями, покосившаяся и закопченная, вся заросшая лопухами. Из оконца, затянутого бычьим пузырем, пробивался свет, но стука молота по наковальне слышно не было.

Василий без стука дернул дверь на себя, вошел в духоту и тесноту Гришкиной кузни.

Хозяин явно не ждал гостей. Он стругал большим ножом толстую деревяшку, по всей видимости, рукоятку для молота. Увидев Василия, кузнец выронил нож и медленно поднялся с низкой скамеечки. В глазах у него была растерянность. Был Григорий старше Василия лет на пять, а по внешнему виду и на все десять. Длинные, давно не чесанные космы рыже-вато-русых волос придавали этому низкорослому, коренастому человеку довольно дикий вид. Волосы свешивались ему на глаза, темные, как омуты, и будто нацеленные на кончик собственного носа.

– Здрав будь, Григорий, – дружелюбно произнес Василий и протянул ему руку.

Кузнец облегченно осклабился, сверкнув белыми зубами, и крепко пожал протянутую руку. Чувствовалось, что сила в нем немалая.

В Василии шевельнулось нечто похожее на невольное уважение: сильные всегда уважают сильных.

– Доброго здоровья, Вася, – сказал кузнец. – Зачем пожаловал?

Любопытство так и перло из простодушного Григория.

– Да вот, услышал, что ты жениться надумал на Любаве Улебовне. Хочу посодействовать тебе в этом.

– Как это «посодействовать»? – не понял кузнец. – Любава и так согласна выйти за меня.

– Я про то, что уж больно красивую невесту ты себе выбрал, друже, – пояснил Василий и подбросил на ладони мешочек с деньгами. – А красивый камень дорогой оправы требует. Уразумел?

– Да уж... – смущенно пробормотал кузнец. – Живу я небогато. Домишко у меня старый и кузня совсем развалилась.

– Бери! – Василий протянул туго набитый мешочек Григорию. Видя, что тот не решается взять такое богатство, Василий сам вложил деньги в его загрубевшие ладони. – Тут тебе и на новый дом, и на кузню хватит, еще и останется. Это не в долг, а в дар. Все равно я прогуляю, ты же это серебро в делопустишь. Любаве только об этом не говори. Виноват я перед ней, и прощения от нее мне уже не видать. Будь счастлив, Григорий! И... – Василий собрался уходить, но задержался на пороге, – будь с Любовой поласковее, она ведь такая нежная!

Что-то промелькнуло в темном лице Григория, словно на миг оно превратилось в зеркало, в котором вдруг отразилась сердечная печаль Василия. Влажно заблестели глаза кузнеца.

Григорий хрипло поблагодарил Василия и столь же хрипло пробормотал, что будет любить Любаву всем сердцем.

«Проговорил, как заклинание, – усмехался про себя Василий, шагая по темной дороге к городским воротам. – Да и что он смыслит в любви! Эх ты, Гришка – пьяная отрыжка!»

Потаня похвалил Василия за такую щедрость, но сам Василий не испытывал никакого удовлетворения от своего благородного поступка. Вместо радости на сердце у него лежал камень.

– Как подумаю, что эдакий дурень станет обнимать такую паву, просто зло берет! – признался Василий Потане.

* * *

Спустя день-другой всполошила, встревожила Новгород весть о чудище лесном – оборотне, – вновь объявившемся в приильменских лесах. Из пересудов Василий узнал, что с прошлого лета ничего о нем не было слышно.

– В то лето загрыз оборотень мальчонку и двух девиц, что в лес за ягодами ходили, – поведала Анфиска Василию. – Мальчонку после сыскали бездыханного, с откушенной головой, а девичьих тел так и не нашли. Зато видели самого оборотня. Был он как человек, но с волчьей головой!

– Что же не убили его, коль видели? – спросил Василий.

– Что ты, Вася! – замахала руками Анфиска. – У какого мужа смелости достанет с такой нечистью схватиться?

– У меня бы достало, – невозмутимо сказал Василий.

Задумал Василий поймать оборотня и непременно живым его в Новгород привезти на обозрение. «Вот и прославлюсь!»

Друзья-побратимы обрадовались лишней раз удалью своей похвастаться. Осторожный Потаня и тот загорелся желанием поймать живого оборотня.

– Сколь живу на свете, а дива такого не видывал, чтоб человек мог в зверя превращаться, – сказал он.

Сборы в поход у Василия всегда были короткие, а когда что-то невтерпеж – и подавно.

Вечером Василий сообщил матери о своем намерении и на другое утро уже выступил в путь. Поохала Амелфа Тимофеевна, но удерживать сына не стала, зная нрав его, дала лишь камешек-оберег.

Выехали молодцы верхом на конях, вооружившись копьями, ножами и луками со стрелами.

Осень только началась, еще не опала листва с деревьев. По обочинам дороги зеленела трава. По небу тянулись на юг клинья журавлей и гусиные стаи.

Проскакав несколько верст, лихие наездники свернули в деревеньку, притулившуюся возле кромки дремучего леса. Стали спрашивать у жителей, не шастает ли в здешних местах получеловек-полуволок.

– Пока Бог миловал! – отвечали на расспросы крестьяне. – Вы дальше езжайте, молодцы. До Гуселькова доедете, там скажут, где видали оборотня. А лучше бы назад вам вернуться, ибо нечистую силу ни копьем, ни ножом не одолеть, но токмо молитвой или заговором.

Посмеялись молодцы и поскакали дальше.

Село Гусельково лежало между землями боярина Твердилы и монастырскими владениями. Смерды из окрестных вотчинных деревень поговаривали, будто среди гусельчан имеются волхвы и колдуны, которые и натравливают на своих соседей разную лесную нечисть. В позапрошлом году и в нынешнем оборотень не тронул никого из жителей Гуселькова, хотя они ходят в лес не меньше вотчинных смердов.

– Вон оно – Гусельково! – показал рукой старик пастух.

Василий и его дружки спешили и посмотрели вниз с косогора на большое село, избы которого стояли плотно одна к другой в излучине неширокой речки. Оттуда доносилось мычание коров и тявканье собак.

– Не ходите в это село, – предостерег пастух, видя, что молодцы глазами обшаривают речку, отыскивая переправу. – Переветники живут в Гуселькове, околдуют вас – беды не оберетесь.

– Что значит «переветники», дедушка? – поинтересовался Потаня.

– С нечистой силой они переводываются: с лешими, с русалками да оборотнями, – ворчливо ответил старик. – И село-то свое поставили так, что с трех сторон вода. Понятное дело, у воды и колдовать легче, вода и следы любые скрывает. По весне, бывало, разольется река, – где огороды затопит, где мост снесет, – а селу переветников хоть бы что, стоит себе, как на острове!

– Как же нам на ту сторону перебраться, дедуня? – спросил Василий. – Моста я нигде не вижу.

– Не ходим мы на ту сторону, – отрезал старичок, – и переветники к нам ни ногой. Зачем нам мост?

– А брод здесь есть?

– В двух верстах отсель. – Старик махнул рукой в сторону осинника, пламеневшего осенней листвой. – Там село мое находится, Макеевкой зовется. Возле него и переправа. Вам туда дорога.

Василий вскочил на своего саврасого жеребца и кивнул друзьям: «Поехали!»

– Благодарим, дедуня, – сказал Потаня, взбираясь на смиренного буланого конька.

В Макеевке про оборотня знали все от мала до велика.

Хозяйка, на дворе у которой остановился Василий с друзьями, приглушенным голосом поведала о свирепом страшилище, угощая нежданных гостей нехитрым обедом:

– Наслали на нас оборотня переветники-нехристи, прости Господи, в отместку за скошенные луга у Нечаева озера. Долго спорили переветники с монастырем за эти луга, но князь повелел три года подряд косить на тех лугах сначала нашим мужикам, а уж потом гусельчанам. И так меняться впредь. Но переветников это не устроило, скота-то у них много, не то что у нас. Вот и началась пря.

Поначалу-то переветники мор на скот наш напустили, но мы святой водицей коровушек наших окропили, а на коровники обереги повесили – прошел мор. Тогда переветники засуху на поля наслали и пожары на деревни, натерпелись мы в тот год мучений. Теперь вот оборотень злобствует!..

– Кто из ваших сельчан видел этого оборотня? – нетерпеливо спросил Василий.

– Многие видели, – ответила хозяйка. – И я видела, только издали.

– И какой же он?

– Он бывает то в виде волка матерого, то в образе человека, но с волчьей головой. Я вот каким его видела прошлым летом. Вечерело уже. Выхожу я из бани, а он через изгородь перебирается – у меня ноги так и подкосились! Хорошо, спиной он ко мне был, а то бы не убежать мне. Хотел, видать, по деревне порыскать, да собаки лай подняли и спугнули его.

– Чудище, а собак боится? – удивился Домаш.

– Он и скопища людей боится, – сказала хозяйка, – и света дневного, и огня. Нападает либо вечером, либо ночью, иногда на рассвете. Подстерегает девиц или отроков у реки, на лесных тропинках, в огородах. Отроков убивает сразу и рвет на части. Отроковиц бесчестит так, что иной насильник ужаснется, коль увидит такое. Потом тоже жизни лишает. – Хозяйка перекрестилась, прошептала: – Храни нас Господь!

Василий переглянулся с друзьями.

Вечером, сидя тесным кружком, молодцы решали, как им сподручнее поймать оборотня. Для этого им понадобится девица не робкого десятка, которая должна приманить к себе чудовище, а дальше...

– Дальше наша забота, – промолвил Фома Белозерянин.

– А коль заприметит нас оборотень раньше срока? – засомневался Потаня.

– Мы же не станем ходить за девицей, как пришитые, – ответил на это Фома, – схоронимся где-нибудь до поры до времени.

Еще больше Потаня засомневался:

– А коль оборотень всадит зубы в девицу раньше, чем мы успеем добежать до него, что тогда? Я думаю, в проворстве ему не откажешь. Да и вечером он видит лучше нас. Его и девица-то может не заметить, как окажется у него в лапах.

– Что ты предлагаешь? – спросил Василий.

– Уж коль и рисковать, так нам самим, – сказал Потаня. – Я полагаю, подкрадывается оборотень в волчьем обличье, а нападает, обернувшись человеком с волчьей головой. Выслеживать волка по лесам – пустая затея. Легче выследить получеловека-полузверя, ведь он сам выходит к деревням, когда стемнеет.

– Где же его выслеживать? – спросил Фома. – У деревни, что ли?

– А где еще? – ответил Потаня. – Днем будем спать, а вечером – в дозор.

– Ежели кто из села днем в лес пойдет, что нам делать? – подал голос Костя Новоторженин.

– Кому-то из нас тоже придется в лес пойти, иначе никак, – ответил Потаня. – Оборотень и днем напасть может, в лесу-то он как у себя дома!

Василий задумался.

На медведя он в своей жизни охотился, ходил и на кабана, и на лося, поэтому повадки этих зверей ему ведомы, а вот на оборотня охотиться не приходилось. Но Василию непременно надо поймать это чудовище, хотя бы встретиться с ним один на один, а там будь что будет.

– Ладно, – сказал Василий, – без приманки обойдемся. Потаня прав. Будем ждать, авось нечисть сама объявится где-нибудь.

– Конечно, объявится! – усмехнулся Фома. – Для оборотня вся деревня – приманка.

* * *

Томительным было ожидание. Дни проходили за днями, а оборотень не появлялся, словно чувствовал опасность. Вся Макеевка кормила и поила пятерых молодцев, прознав об их стремлении изловить чудовище.

Зарядили дожди. Размокли дороги. Пордевший осинник терял последние пурпурные листочки. Ночи становились все длиннее и холоднее.

Василий весь извелся, ожидая встречи с оборотнем, представляя ее на разные лады. То он набрасывался на оборотня с дерева и валил его наземь, то подбирался к нему огородами и они боролись, катаясь по мерзлой свекольной и морковной ботве, то Василий гнался за оборотнем по лесу или прямо по деревенской улице...

На самом деле все вышло иначе.

Когда закончилась пора дождей и вся природа будто замерла в ожидании первого снега, среди бела дня из соседней деревни прискакал в Макеевку отрок на взмыленном коне. Деревня та называлась Боровая. Там тоже знали про удалых молодцев. Сообщил отрок, что похитил оборотень дочку их ратайного старосты – «вышла Млава к колодцу за водой, а чудище тут как тут!» – и потащил к лесу.

Сердце ретивое так и взыграло в груди у Василия. Растолкал он спящих друзей, сам же наперед их оделся потеплее, сунул нож за голенище сапога, схватил лук со стрелами – и во двор. Вывел из конюшни саврасого, вскочил в седло, не касаясь стремян.

– Показывай дорогу! – крикнул отроку.

Мальчишка нахлобучил посильнее треух на голову и, ударив пятками в конские бока, поскакал через село, гиканьем разгоняя баб и ребятишек. Василий скакал следом, не слушая возгласов своих замешкавшихся во дворе побратимов.

До Боровой было меньше трех верст.

Юный наездник, не доезжая до деревни, свернул в поля. Конь под ним хрипел и спотыкался. Наконец измученное животное остановилось.

– Вон дом ратайного старосты, на отшибе, – крикнул отрок Василию и показал рукой. – Вон колодец! Оборотень туда побежал! – Рука отрока метнулась в сторону леса. – Там есть овраг. К нему, видать, он и спешил.

– Прыгай ко мне, показывай дорогу, – велел Василий.

Малец, не раздумывая, перескочил на саврасого. Василий дал шпоры коню.

Возле оврага Василий натянул поводья. Дальше шли сплошные заросли, через которые было не продраться верхом. Но и оборотень, обремененный добычей, вряд ли ушел далеко. Василий направил коня вверх по склону.

Вокруг росли березы: светлый, чистый лес. Обзор был широкий. Саврасый, шурша опавшей листвой, шел размашистой рысью вдоль оврага.

– Гляди в овраг, а я по сторонам глядеть буду, – сказал Василий отроку.

Извиваясь змеей, овраг выходил на широкую луговину, протянувшуюся до соснового бора, раскинувшегося невдалеке на пологих холмах. В низине шелестел метелками высокий тростник.

Василий замедлил бег коня.

– Как мыслишь, братец, куда оборотень подался – в болото или в лес? – спросил он у мальчика.

Отрок ответил по-взрослому:

– Верное дело, к лесу. Он ведь волк, а не кабан.

– Ну, тогда ему от нас не уйти! – произнес Василий, переводя жеребца в галоп.

До бора оставалось с полверсты, когда отрок узрел своими зоркими глазами что-то белое на пожухлой траве. Это был женский платок.

– Млавин плат! – воскликнул малец.

В сердце Василия затрепетала жестокая радость – недалеко уже оборотень, по верному следу они идут!

«Пособи, Господи, – мысленно взмолился Василий, – не дай чудишу затеряться в чаще леса!»

Вот и опушка бора, запахло густым сосновым духом.

Саврасый несколько раз споткнулся об выступающие из земли корневища деревьев.

Под широкими кронами могучих сосен день будто померк, враз погасли его краски. Бурые и желтоватые стволы рябили в глазах у Василия. Он наугад направлял коня вперед, нетерпеливо шепча отроку, сидевшему перед ним возле луки седла:

– Гляди, братец! Гляди! Тут он где-то... Где-то тут!..

Вдруг из глубины леса донесся девичий крик, короткий и жалобный. Он оборвался на самой высокой ноте, словно кто-то зажал несчастной рот ладонью.

Василий резко повернул коня на этот звук, отголосок которого несколько кратких мгновений еще витал в безмолвии леса.

Бор становился мрачнее и гуще; заросли дикой малины цеплялись за ноги саврасого, попадались поваленные трухлявые деревья. На одном из них Василий увидел нитку красных бус, приняв ее сначала за капли свежей крови. Василий нагнулся с седла и подобрал бусы.

– Млавины... – промолвил отрок.

Василий слегка ударил его пальцем по губам.

– Тс-с, братец! – прошептал Василий отроку на ухо. И знаком велел ему спешиться.

Наложив стрелу на тетиву лука, Василий дальше двинулся пешком. Отрок шел следом, ведя коня в поводу.

Прошли они так недолго.

Заметив впереди между деревьями какое-то движение, Василий махнул рукой отроку, мол, стой, где стоишь! Сам же стал подкрадываться от дерева к дереву, от коряги к коряге...

Взору его открылась маленькая лужайка, поросшая густым мхом. На этом мягком лесном ковре лежала девушка лет шестнадцати с завязанными глазами и ртом, со связанными за спиной руками. Ее пушистые русые косы были растрепаны. Над связанной девушкой возвышался ОН – широкоплечий детина с волчьей головой. На нем был полушубок из волчьей шкуры и меховые штаны, на ногах кожаные поршни. Руки у оборотня были самые обыкновенные, человеческие.

Оборотень держал в правой руке нож, которым вспарывал платье на своей жертве. Рядом валялась разрезанная на куски девичья овчинная шубейка, можно было узнать оставшиеся от нее рукава и воротник.

Василий слышал, как трещит льняная ткань под ножом. Слышал он и хриплое дыхание оборотня. Страх холодной струйкой стал просачиваться в его сердце. Вот оно – чудовище! Не сказочное – настоящее! Попробуй, возьми его живым!

Чувствуя, что ладони начинают потеть, Василий решил сначала ранить оборотня, а потом попытаться связать его или оглушить кулаком.

Прицелившись в ногу, Василий пустил стрелу.

Со столь близкого расстояния стрела насквозь пробила оборотню бедро, войдя в него по самое оперение.

Оборотень завопил от боли. Обрубив у стрелы наконечник, он выдернул окровавленное древко из сквозной раны. В этот миг перед ним предстал Василий, на тетиве его лука лежала другая стрела.

Оборотень громко выругался человеческим голосом, чем несказанно изумил Василия. Схватив девушку за косы, оборотень поставил ее на ноги, прикрываясь ею, как щитом.

– Брось нож, а иначе... – угрожающе произнес Василий.

Но оборотень перебил его, выкрикнув диким голосом:

– Лук на землю или ей не жить! – Острие ножа уперлось девушке в горло. – Ну! Живо!

Оборотень явно нервничал. Он, вне всякого сомнения, боялся Василия!

Раздумывать было некогда. Василий резко спустил тетиву...

Стрела, пущенная уверенной рукой, пробила чудовищу горло, пригвоздив его к сосне. Нож выпал из его страшной руки, не причинив девушке вреда. Сама девушка свалилась наземь. Бросившийся к ней Василий не успел ее подхватить.

Избавленная от пут и повязок на лице, она по-прежнему не приходила в себя. Василий, не на шутку встревожившись, приложился ухом к ее обнаженной груди. Сердце девушки билось.

«Натерпелась, сердешная!» – подумал Василий, накрывая полунагое девичье тело своим теплым кафтаном.

Крикнув несколько раз зычным голосом в ту сторону, где он оставил отрока с конем, Василий подошел к пригвожденному к дереву оборотню. Чудовище не подавало признаков жизни.

«Как ловко я его уделал!» – ухмыльнулся Василий и выдернул стрелу из убитого оборотня.

Мертвец рухнул к ногам Василия. Из его чрева вылетел не то хрип, не то слабый стон.

Наклонившись, Василий слегка ударил оборотня по оскаленной морде. Морда съехала набок. Из-под нее выбилась черная борода. Догадка, мелькнувшая в голове у Василия, подтвердилась, когда он рванул посильнее волчью морду на себя. Личина осталась у него в руках, а под нею оказалось... обыкновенное чернобородое лицо!

Вглядевшись в мертвые распахнутые глаза, Василий узнал в мертвеце Оверьяна, брата боярина Твердилы.

«Вот так сумасшедший! – думал пораженный Василий. – Человек, а зверствовал хуже зверя лютого. Ну, держись, Твердило, теперь твой черед!»

* * *

Усадьба боярина Твердилы Олексича стояла на перепутье. Одна дорога мимо нее шла к реке Мсте и дальше в Суздальскую землю, другая поворачивала к реке Ловать и вела через леса до самого Пскова.

По эту сторону Ильменского озера почти все пахотные земли и лесные угодья принадлежали боярину Твердиле. И, как бельмо на глазу, вклинивались во владения Твердилы поля и пастбища вольных землепашцев из села Гусельково. Уже многие годы не отступают гусельчане от своей вольности, не желают идти в кабалу ни к боярским тиунам, ни к монастырю. Силой отнять земли у вольной общины ни монастырь, ни боярин не могут по закону, оставалось только козни строить.

Монастырская братия раструбила на всю округу, что грешат вольные смерды напрапалу. Младенцев крестят не всех, не желая платить за это определенную плату, скромное в

пост едят, гаданья бесовские устраивают у реки, волхованием занимаются. Но ежели разобратся, то в какой деревне ныне не без этого?

Поэтому боярин Твердило стал действовать хитрее и коварнее. Брата своего он излечил от помешательства, но держал это в тайне. Наряжал его оборотнем и напускал на деревни, что вокруг Гуселькова. Макеевка пострадала от оборотня, держал он в страхе Боровую, Подсечную и Волошин погост. Люди видели оборотня и в Пехтах, и в Крутом Яру... Только Гусельково обходил оборотень стороной.

И невзлюбили зависимые смерды вольных землепашцев, будто и впрямь с нечистой силой те были связаны.

А Твердило знай посмеивается втихомолку! Ждет, когда его смерды в помутнении гнева нападут на вольное село и подпалят его со всех четырех сторон.

Задумка, полагал Твердило, была верной, а то, что грех тяжкий на душу ему ложится, ну так первый человек – Адам – греха не миновал, и последний из людей этого не минует. И такую верную задумку испортил Оверьян-недоумок!

Однажды поутру появился в усадьбу к брату прямо в обличье оборотня! Псы цепные так лаем и зашлись. Сторож от страха в курятник залез, всех кур переполошил. Челядинка, открывшая дверь «оборотню», завизжала как резаная – и по лестнице бегом на второй ярус терема.

Твердило в одном исподнем из спальни выскочил, схватил Оверьяна за руку и в дальнюю светелку утащил. А там уж дал волю своему гневу! И так и эдак обругал он своего братца, сравнил его и с пнем трухлявым, и с котлом железным, и с гусакom безмозглым! Тот хоть бы что! Сидит на стуле, головой из стороны в сторону качает и ни слова в ответ.

– Ты сдурел, что ли?! Чего эдак-то появился! Забыл мои предостереги! Недоумок проклятый! – тряс Твердило брата за плечо. – Язык сглотил, что ли? Отвечай, дурень!

«Дурень» в ответ ни гу-гу, лишь головой в волчьей личине кивает.

– Да ты не пьян ли? – пуще прежнего рассердился боярин.

Твердило сдернул с головы брата колпак в виде волчьей маски. А сдернув, испуганно попятился – вместо Оверьяна перед ним сидел Василий, и холодная усмешка играла у него на устах.

– Здрав будь, боярин, – негромко произнес Василий. – Как видишь, и я решил в ряженных поиграть. Да ты сядь, не трясись.

У Твердилы руки ходили ходуном, отвисшая нижняя челюсть никак не вставала на место. Он пятился бы и дальше, но наткнулся на скамью у окна и сел. Волчья голова выпала из его дрожащих рук.

– Где брат мой? – пролепетал боярин.

– Душа его ныне далеко, а тело недалеко отсюда, – ответил Василий. – Поплатился жизнью Оверьян за гнусности свои! И ты поплатишься, боярин. Затем я и пришел к тебе.

– Васенька, не губи! – простонал Твердило, становясь на колени. – По гроб жизни Бога за тебя молить стану. В долгу не останусь, Васенька! Отвалю серебра, сколько пожелаешь, и мехов, и камней самоцветных... Не губи!

– Вспомни, боярин, о душах христианских, загубленных твоим братом с твоего ведома, – зло проговорил Василий.

– Отмолю, Вася! Отстрадаю! Щедро пожертвую на упокоение душ невинно убиенных. Покаюсь! На хлебе и воде сидеть буду! – лепетал Твердило и на четвереньках полз к Василию.

Дальнейшее произошло быстро, почти молниеносно.

Твердило, делая вид, что хочет поцеловать ноги Василию, опрокинул его на пол вместе со стулом. Сам навалился сверху и вцепился руками Василию в горло, накрепко вцепился, не оторвешь. Зашумело в голове у Василия, красные круги поплыли у него перед глазами. Кое-

как дотянулся он до ножа засапожного и всадил в живот Твердиле по самую рукоятку. Тот обмяк и со стоном повалился набок. Василий приподнялся и, не раздумывая, вторым ударом ножа добил боярина. Потом отдышался, вытер нож об исподнюю рубаху убитого Твердилы и как пришел, так и ушел с волчьей маской на лице.

Друзья-побратимы дожидались Василия в лесу в полуверсте от боярской усадьбы. Ими была вырыта могила, на дне которой лежал мертвый Твердилин брат, завернутый в рогожу.

– Чего один? – обратился к Василию Фома. – Я думал, ты сюда Твердилу приведешь. Здесь бы и судили его своим судом. Вместе с Оверьяном и погребли бы.

– И впрямь, Вася, почто не привел Твердилу сюда? – спросил Потаня. – Ведь собирался привести...

– Убить мне пришлось Твердилу, – стаскивая с себя волчий полушубок, угрюмо ответил Василий. – Так уж вышло, други. Не серчайте.

– Ладно, чего там! – махнул рукой Костя Новоторженин. – Давайте зарывать этого.

Могила Оверьяна забросали мерзлой землей, сверху насыпали небольшой холмик и вбили осиновый кол. На всякий случай.

– Конец оборотню, – удовлетворенно проговорил Домаш, отряхивая ладони.

– Теперь прославимся, коль не расскажем истину, – промолвил Фома.

– Прославимся, нет ли, но на том свете нам это зачтется, – задумчиво произнес Потаня.

Порешили молодцы не открывать всей правды, дабы не возбуждать злобу против себя друзей и родственников убитых ими братьев-злодеев. Пусть люди думают, что одного оборотня они убили, а другой оборотень, возможно, в отместку убил боярина Твердилу.

Глава третья

По следам великана

Стал Василий на некоторое время знаменит на весь Новгород. Стоило ему появиться на улице, люди начинали перешептываться и тыкать в него пальцами: «Вот он – сын Буслая! Оборотня одолел!»

Василий поначалу горделиво вскидывал голову, сдерживая напалзавшую на уста самодовольную улыбку. Вскоре ему это надоело. Не о такой славе он мечтал. Простой люд и до этого к нему благоволил. Бояре же новгородские хоть и зауважали Василия, но в свой круг принимать его не спешили.

Однажды домой к Василию пришли выборные от братчины меховщиков и с ними новгородский тысяцкий Ядрей. Повели такую речь:

– В позапрошлый год отправились наши даньщики за Онегу, в земли чуди белоглазой аж до реки Вычегды, и сгинули без следа. Опосля ходила на поиски их дружина новгородская и наслышалась от местных охотников, будто бы великан неведомый перебил людей наших. В тех краях все люди ему поклоняются, приносят в жертву лосей и красивых девушек. Обитает тот великан среди горных кряжей, поскольку равнинная земля тяжести его тела не выдерживает.

Василий слушал купцов с небрежной усмешкой.

– Небылицами пришли меня потешить?

– Я тоже улыбался до поры, – промолвил воевода Ядрей, – покуда сам следы того великана не увидел. Я ведь водил ту дружину. След у него почти в два локтя. Вот такой след!

Воевода отмерил руками на столе.

Василий посерьезнел:

– Побожись.

– Вот тебе крест! – Ядрей размахисто перекрестился. – Не сойти мне с этого места, коль лгу!

– Не один Ядрей – все ратники его те следы видели, – заговорили купцы, – а было их без малого сотня.

– Найти того великана не пробовали? – Василий взглянул на воеводу. – При такой ступне, надо думать, он головой в небо упирается. Издалека его увидеть можно!

– Да какое там, Вася, – махнул рукой воевода, – у ратников моих одно на уме было: убраться подобиру-поздорову. Не удержать их было ничем.

– Чего же вы от меня хотите? – Василий посмотрел на купцов.

Те смущенно опустили очи долу.

– Сходил бы ты, Вася, до реки Вычегды, – пробормотал один из них.

Другой продолжил:

– Дело рискованное, скрывать не станем, но славное.

Навеки прослывешь самым удалым из удалцов, коль одолеешь чудского великана.

– А мы тебе поспособствуем в этом, – добавил третий, – ествы на дорогу дадим, одежду, снаряжение.

– Кликни клич по Новгороду, Вася, – сказал Ядрей, – за тобой многие пойдут. Недаром говорят, что тебя ни стрела, ни копье, ни хворь не берут. Оружие тебе выдадим сколь надо. Ну как, по рукам?

– Покумекать надо с друзьями, – сказал Василий, хотя в душе был готов немедленно отправиться на поиски неведомого великана. – Завтра ответ скажу.

Купцы и воевода ушли.

Недолго совещались с Василием его побратимы: решили – дело стоящее. Общее мнение выразил Домаш: «Даже если и ждет нас несчастная доля, зато своими глазами увидим диво дивное – человека с двухсаженными ступнями!»

Полсотни молодцев крепких и широкоплечих отобрал Василий в свою дружину. Были тут и старые друзья-товарищи, ходившие с ним на ладье по Волге до Хвалынского моря, были и новые люди, в основном неимущие и беспортошные.

Воевода выдал каждому по топору, ножу и рогатине. Купцы снарядили отряд теплой одеждой – близились холода, – дали лошадей, сани, куда можно было сложить провизию и все необходимое в дороге.

По первому снегу выступили ратники в поход.

Долог был путь.

Покуда добрались до городка Устюга, из-за которого шли раздоры у новгородцев с суздальским князем, завьюжило так, что пришлось оставить сани и лошадей, становиться на лыжи.

Проводником у Василия был новгородский дружинник Худион, который за свои тридцать лет не раз хаживал в Заволочье.

Снег валил и валил, засыпая черные огнища на местах ночевок, скрывая пушистым белым покровом широкий лыжный след, уходящий по реке Вычегде. Обширные болота и озера под ледяным панцирем сменялись тайгой. Есть ли ей конец на земле?

Ратники глохли от давящего безмолвия. Тишина и снег, расписанный следами зверюшек и птиц. Может, где-то в глубине тайги, за дремлющими заснеженными елями, скрывается хрустальное царство мороза и лешего.

Василий осунулся и потемнел лицом. Он, как и все, недосыпал, недоедал. Мерз и прокладывал путь наравне со всеми.

В верховьях Вычегды, близ волоков к Печоре, стояли два почерневших домишка с изгородью и навесом из жердей. Помоздин погост – самое дальнее подворье новгородцев.

Василий оглядел заиндевелые внутри стены, бахрому из тенет в углах, сгнивший пол. И тоскливо сделалось на сердце.

– Давно не живет здесь никто, – сказал Худион. – Чудь уходит все дальше в леса, за ней идут и вольные новгородские охотники. Погосту этому, почитай, полсотни лет.

– Дальше погостов нет? – спросил Василий.

– Нету, – ответил Худион. – Дальше земля незнаема.

– Где же сгинули даньщики?

– Отсель недалече. Завтра доберемся.

Ночь опустилась белесая и звездная. Стояли безветрие и тишь.

Дым от костров стлался низко и щипал глаза.

– Правду ли говорят, что дальше к северу начинаются земли Югры? – обратился к Худиону Фома. – И будто люди тамошние рогаты и с песьими головами?

– К северу отсель самаядь живет, – неторопливо отвечал Худион, помешивая деревянной ложкой варево в котле. – Совсем дикий народ. На оленях ездят да на собаках. Женщинам поклоняются. Ночи там по полгода и дни такие же. А Югра отсюда на восток. Не бывал я в тех краях и людишек тамошних не видал.

– Кто-нибудь до Югры добирался? – спросил Потаня.

Худион попробовал из ложки похлебку и ответил:

– Новгородец Гурята Рогович хаживал туда. И сказывают, дань привозил великую серебром и мехами. Только давно это было, еще при отцах наших. При мне же уходила дружина Костоверта на Югру, да только назад никто не воротился.

Возле костра повисло мрачное молчание.

Утро застало ратников уже в пути. Отряд медленно двигался по увалам, каменистым возвышенностям, поросшим чахлым сосняком. К полудню пришли в селение чуди.

Оказалось, Худион был знаком со старейшиной стойбища, которого звали Микко.

Старейшина был стар и мал ростом, с редкой бороденкой и черными живыми глазами. На нем была разрисованная красными узорами куртка, пошитая мехом внутрь, подхваченная в талии пояском. На груди болтался большой медный крест, которым старейшина очень гордился.

— Однажды подпоили его ватажники-новгородцы и окрестили, как смогли, — поведал Василию Худион, — теперь дед Микко единственный христианин в своем селении. У него в доме даже иконка есть.

Добродушный старейшина часто кивал головой и столь же часто крестился то левой, то правой рукой, давая понять рослым пришельцам с запада, что он с ними одной веры.

В селении было два десятка больших бревенчатых домов, крытых берестой. В каждом доме жило по двадцать-тридцать человек. Только жилище старейшины населяла одна его семья: сын с двумя женами и четырьмя детьми и сам Микко.

В доме старейшины было полутемно. На земляном полу был выложен очаг из речных валунов. В нем тлели уголья. У стены на лежанке, устланной собачьими шкурами, сидел старейшина. Напротив, у противоположной стены, сидели в ряд на скамье Василий, Потаня и Худион. За перегородкой в глубине дома был слышен детский писк и приглушенные женские голоса.

Худион вел беседу со старейшиной, который неплохо знал русский язык.

— Почто не хочешь дать своих следопытов, друг Микко?

— Моя знай, зачем твоя пришел — Хеогену искать.

— Верно, — кивнул Худион. — Нам нужен великан Хеогену. Помоги найти его.

— Ай-ай, зачем искать гору? Ее и так видно! — замотал головой старейшина. — Идите на восход и увидите Хеогену.

— Чего ты боишься, старик? Мы не станем заставлять твоих воинов сражаться с великаном. Нам бы только увидеть его.

— Хеогену вас первый увидит и сделает вот так! — Старейшина притопнул ногой. — Он вас всех убивать, а потом всех нас. Хеогену все видит и все знает. Возьми меха и ступай к своему очагу.

— Пообещай ему золото, — шепнул Василий Худиону.

Но и за золото старейшина отказывался помогать новгородцам.

— Хорошо, Микко, — промолвил Худион, — мы уйдем. Но сначала покажи моим друзьям то место, где вы молитесь Хеогену. Они не верят в существование великана. Я хочу показать им его следы.

Старейшина затряс седой головой и захихикал:

— Твоя тоже сначала не верил.

— Не верил словам, зато поверил глазам, — улыбнулся Худион.

Старейшина с уважением поглядел на могучую фигуру Василия и согласился:

— Ладна. Будь по-твоя.

* * *

Под нависшим крутым обрывом бурная река, разливаясь год от года, вымыла неглубокую пещерку. Потом русло реки отступило в низину, и даже в сильное половодье вода не доходила до широкой береговой вымоины — творения своей неукротимой силы.

К этой пещерке чудские шаманы привели Худиона, Василия и всех русских ратников, пожелавших идти с ними.

Ветер завывал в кронах могучих кедров, росших на высоком берегу, а внизу, у подножия козырьком нависающего обрыва, было тихо. Шаманы знаками показывали новгородцам, что громко разговаривать здесь нельзя.

Василий строгим голосом приказал ратникам не шуметь.

В пещерке стоял грубо сработанный идол из дерева, с большими круглыми глазищами и ощеренными зубами. Перед ним на плоском камне стояла деревянная посуда вроде корыта. Тут же валялись обглоданные кости.

– Это и есть Хеогену? – спросил Василий, стараясь скрыть омерзение.

– Нет, это дух реки, – ответил всезнающий Худион. – Этот дух что-то вроде родственника Хеогену. Поэтому Хеогену и приходит сюда.

– А где же следы?

– В глубине пещеры. – Худион знаком попросил Василия следовать за ним.

На плотном глинистом пласту Василий увидел два огромных человеческих следа. Босые ступни отпечатались глубоко, особенно оттопыренный большой палец. Однако до двух локтей этим следам было далеко.

Василий присел и ощупал один след рукой. До другого было не меньше сажени. Что и говорить, велик шаг у этого босняка!

Выбравшись из пещерки, Василий стал расспрашивать Худиона о неведомом великане. Худион в свою очередь обращался к чудским шаманам на их родном языке.

– Когда последний раз чудины видели великана? – спросил Василий.

– Давно. Много лун назад, – переводил Худион ответ шаманов. – Шибко рассердили его новгородцы, приходившие за данью. Убил он их и сам сгинул.

– Какой же он из себя?

– Огромный и лохматый. С большими зубами.

– Почто зимой босым ходит?

– Про то шаманы не ведают, но полагают, дабы силы от земли набираться, – пояснил Худион.

Ратники, осмотрев следы, негромко переговаривались. Иные тревожно озирались по сторонам. И только Потаня шутил:

– А что, если это детские следы великана? Что, если еще подросток он с той поры, как его видели, а? Что мы супротив него тогда сделать сможем?

Но ратникам было не до смеха.

Станным показалось Василию: местные жители утверждают, что даньщики новгородские погублены великаном Хеогену, а где это случилось, никто толком не знает. Все твердят одно и то же: ушли, мол, новгородцы за реку к селениям за Каменной Грядой и угодили в лапы к Хеогену. Больше их не видели.

– Кто живет в селениях за Каменной Грядой? – расспрашивал Василий Худиона.

– Пермьки, – отвечал тот.

– Что за народ?

– Язычники, одно слово. Живут охотой да рыбным промыслом.

– С чужью враждуют?

– Нет. Вражда у пермяков с Югрой. Хотя югорцы с ними одного племени. Такие же узкоглазые и скуластые. Югра берет дань с пермяков.

Василию сделалось смешно и грустно.

Народцы, затерянные в тайге на бескрайних ее просторах, не имеют городов, не знают, что такое торговля и христианский Бог, дома здешней знати мало чем отличаются от жилищ бедных новгородских крестьян, но и тут существует вражда. Сильный притесняет слабого, стремится отнять его жалкое имущество. А еще говорят, что где-то за Каменным Поя-

сом, там, где рождается солнце, существует счастливая земля, населенная миролюбивыми людьми. Мудрено поверить в это.

– О чем позадумался, атаман? – окликнул Василия Худион.

– Дальше идти надо, – сказал Василий, – к пермякам. Сможешь довести?

– А чего ж! – после краткого раздумья ответил Худион. – Смогу, пожалуй.

Седоволосый Микко не стал удерживать новгородцев, провожатых не дал, зато щедро снабдил отряд Василия вяленой рыбой и олениной.

Ратники шли сначала по тропе лесом. Перейдя реку, стали подниматься в гору. Утреннее солнце окрасило верхушки кедров розоватым цветом. Снег похрустывал под лыжами. Западный склон горы был укрыт голубоватой тенью.

Поднявшись на вершину, ратники осмотрелись.

Вдали синие горы сливались с бледно-голубым небом. Внизу между лесов и скал змеилась река. Далеко на севере чернели густые леса на сколько хватало глаз.

– Простор какой, – улыбнулся Василий и снял шапку.

Спуск с горы занял больше времени, чем подъем. Ратники проваливались в глубокий снег, продираясь сквозь бурелом и заросли кедрового стланика. В седловине между двумя горами приютилось озерцо, круглое, как блин. На ослепительно-белом, искрящемся снегу были отчетливо видны огромные следы босого человека. Не заметить их было невозможно.

Ратники остановились, сгрудились кучкой.

– Во, прошагал детина! – изумился кто-то, измеряя ширину шага древком копья.

– Недавно прошел, – определил Худион, – меньше часа назад.

– На ловца и зверь бежит, – усмехнулся Фома и подмигнул Василию.

– В погоню! – приказал Василий. И первым устремился по следу таинственного великана.

До полудня ратники шли без передышки, изнемогая и обливаясь потом.

След огромных ступней уводил сначала по склону горы к лысой вершине, далее вел по ее гребню и скрывался в ельнике на другом склоне.

Продравшись сквозь ельник, новгородцы обнаружили в расселине у подножия скалы лежанку из сухих листьев и мха.

– Вот где, стало быть, великанище ночки коротает.

– По-звериному живет.

– Бобыль бобылем! – переговаривались ратники.

Василий дал людям передышку. Костров не разводили, закусывали сухарями и вяленой рыбой. Затем двинулись дальше.

След опять тянулся то вверх, то вниз по холмам, описывая большие круги.

– Заметил нас великанище, а может, учуял, – проговорил Худион, утирая пот со лба. – Чудины говорят, чутье у него волчье.

– Чего же он бежит от нас, коль такой верзила! – проворчал Домаш, с трудом переводя дух.

– Осторожничай, – предположил Потаня, – а может, норовит в ловушку нас заманить.

Худион воткнул копьё в снег:

– Не догнать нам его. Коль великанище во всю прыть припустит, так за ним и собакам не угнаться, не то что нам.

– А я думаю, братцы, великан пуще нас повыдохся, – проговорил Василий. – Он-то без лыж. Потому и кружит по взгорьям, ибо на равнине ему от нас не уйти. Мы-то в гору долго карабкаемся, вот он и успевает оторваться. Надо гнать его, как лося, пока не упадет. А там видно будет...

Василий разделил отряд. Самых сильных и быстроногих ратников повел вперед. Остальные во главе с Потаней должны были идти по их следу до темноты, затем разбить

стан так, чтобы костры далеко было видеть. Лишнюю поклажу ратники Василия отдали ратникам Потани. При себе оставили только оружие.

Теперь началась настоящая погоня.

Василий, не жалея сил, прокладывал путь в снегу рядом с цепочкой следов великана. Пятнадцать ратников шли за ним по лыжне. Словами не перекидывались, берегли силы.

Около двух часов пополудни два человека из отряда Василия отстали. Вскоре еще трое изнемогли и сбавили шаг. Затем сразу четверо не смогли быстро преодолеть очередной подъем и остались за холмом.

Закатное солнце уже подсвечивало снег на елях красноватыми бликами, удлинились тени деревьев, когда впереди на снежной равнине замаячила темная неясная точка.

Василий прибавил шаг.

Отстали еще два ратника. Темная точка увеличилась в размерах, уже можно было различить, что это идет плечистый человек в шубе мехом наружу, причем идет без лыж.

– Он! – радостно выдохнул Василий и оглянулся на свой поредевший отряд.

Худион, окутанный клубами пара, вырывающимися у него изо рта, лишь молча кивнул.

– Нажимай, Вася! – хрипло крикнул Фома.

Равнина кончалась у горы, поросшей лесом. К ней-то и спешил великан.

«Не смог великанище нас запутать, теперь стремится в лесу схорониться, – думал Василий. – Да и сумерки ему на руку».

Василий прибавлял и прибавлял шаг. Он уже отчетливо видел широкую спину великана, его длинные руки, которыми тот размахивал при ходьбе. Шуба и штаны на великане были из длинного густого меха рыжевато-бурого оттенка, волосы на его слегка заостренной голове были совершенно черные. Великан то и дело оборачивался на ходу, и Василий успел мельком разглядеть его страшное лицо, темное и морщинистое, с круглыми сверкающими глазами-льдинками.

Когда великан достиг леса, Василий уже почти догнал его и вполне мог бы поразить его в спину копьём. Однако привычка встречаться с врагом лицом к лицу удержала руку Василия.

Опять начался подъем. Великан, цепляясь ручищами за стволы деревьев, стал быстро удаляться. Он громко пыхтел и сопел, тонкие осины с треском ломались под его могучей дланью.

Внезапно с небес стал падать густой медленный снег. Сумерки сделались гуще.

Василий отдышался на вершине горы, оглянулся на Фому и Худиона. Лишь эти двое не отстали от него.

– Времени у нас, други, всего ничего, – сказал Василий. – Вот-вот стемнеет, а ночью засыплет снегом все следы, тогда ищи-свищи великана.

Оба ратника молча согласились со своим вожаком.

Виляя между пихтами, три лыжника начали спуск с горы. Плотный наст скрипел под лыжами на поворотах. Хлестали по лицу ветви кустарников.

Худион, зацепившись лыжей за корягу, перекувырнулся через голову и ударился о древесный ствол. К нему подоспел Фома.

Василий, задержавшись, крикнул снизу:

– Ну, что там?

– Худион ногу повредил, – прокричал в ответ Фома.

– Оставайся с ним! – приказал Василий и устремился дальше вниз по склону.

След великана был еще хорошо различим. Но скоро опустится ночь, и тогда погоню придется прекратить.

Василий задыхался, пот заливал ему глаза. Он спотыкался, падал, поднимался, и снова падал, и снова поднимался, ругаясь вполголоса. Лес словно ополчился на него, подсовы-

вая ему под ноги стволы поваленных бурей деревьев, пряча под сугробами пни, цепляясь кустами за руки. Темные ели и сосны со всех сторон надвигались на него, совершенно заслонив полыхающий на западе закат.

Внезапно Василий увидел Хеогену. Тот сидел на поваленной ели шагах в тридцати от него. Видать, совсем притомился.

Василий свистнул.

Великан оглянулся, нехотя встал и зашагал по сугробам прямо в бурелом.

Василий, напрягая последние силы, бросился вслед за ним. Он уже видел бурую шубу великана, мелькающую впереди среди деревьев совсем рядом, слышал его шумное дыхание... И вдруг великан пропал из виду, будто растворился в воздухе. Но оставались его следы в глубоком снегу. Василий шел по ним через густой осинник, держа копьё наготове. Может, великанище затаился и ждет его в засаде! Осинник кончился. След уводил в сторону, к разлапистым столетним пихтам, под которыми уже скопилась предательская темнота.

Лыжи легко заскользили под уклон.

Могучие сосны вставали на пути. Василий обогнул одно дерево, другое...

Внезапно прямо перед ним возникла черная яма, словно разверстая пасть чудовища. Василий не успел ни крикнуть, ни воткнуть копьё в снег, как полетел вниз вместе с комьями снега и обломками тонких жердей, которые наполовину прикрывали яму сверху.

«Ловушка!» – мелькнуло у него в голове.

Василий шмякнулся на что-то мягкое и тут же был отброшен к земляной стене какой-то неведомой силой. Боль искрой прошла по телу. Василий открыл глаза и похолодел. В полумраке ямы-ловушки в двух шагах от него сидел великанище, издавая какие-то нечленораздельные звуки и щелкая зубами. Его желтые круглые глаза не мигая смотрели на Василия.

«Ну, молодец, поминай всех святых!» – подумал Василий.

Его рука потянулась к рукоятке кинжала.

* * *

...Целый день друзья-побратимы искали Василия.

Ближе к вечеру Василий сам наткнулся на них. После радостных объятий и похлопываний по плечу ратники развели костер в укрытой от ветра лощине. Василий снял лыжи, бессильно опустился на вязанку хвороста и протянул к огню озябшие руки.

– Догнал ли ты великана? – спросил Фома, изнемогавший от любопытства.

– Догнал, – устало ответил Василий и вынул из-за пазухи клочок рыжевато-бурых волос. Фома взял волосяной пучок из руки Василия, понюхал. Сморщился:

– Ну и запах от его шубейки!

– Такие волосы растут у великана по всему телу, кроме головы, – сказал Василий. – В остальном он такой же человек, как и мы. Только разговаривать не умеет.

– Коль разговаривать не умеет, значит, не человек, а дух нечистый, – заметил Домаш.

– Стонал великанище, как человек, и кровь у него красная, – со вздохом произнес Василий, – силища только нечеловеческая.

– Прикончил ты его? – спросил Костя Новоторженин.

– Пришлось, – ответил Василий. – В яму-ловушку свалились мы оба. Великан на меня бросился, да пособил мне Господь зарезать его. Чудом жив остался.

– Как же ты из ямы выбрался?

– Сумел вот.

– Молодец, Вася! – воскликнул Фома. – С честью в Новгород вернемся. И за даньщиков убиенных рассчитались.

Но Василий был мрачен. Его не покидало чувство, будто убил он безвинного человека или, того хуже, ребенка зарезал. Хотя и силен был великанище, но нападал он на Василия с голыми руками. И умирая, глядел на него так печально, как-то по-детски глядел.

– Худион-то где? – спросил Василий. – Где Потаня?

– Для Худиона санки из лыж смастерили и отвезли его в пермятскую деревню верстах в десяти отсюда, – ответил Фома. – Потаня и почти вся дружина пребывают там же. К ночи и мы туда доберемся. Отоспимся.

При одной мысли о сне Василий почувствовал сильнейшую усталость. Враз ему все стало безразличным. Усилием воли он заставил себя подняться и приказал выступать.

Холодное северное солнце уже погрузилось в густую пелену облаков у далекого горизонта.

Глава четвертая

Святослав Ольгович

Неласково встречала тысяцкого Ядрея Амелфа Тимофеевна, когда тот пришел к ней в дом рано поутру.

– Ну, чего притащился? – ворчала вдова. – Опять хочешь спровадить моего сына за тридевять земель. Месяц не прошел, как вернулся Василий из Заволочья. И какой вернулся! Худой, как щепка, и угрюмый, словно пес побитый.

– Что ты, Амелфушка, – залебезил тысяцкий, – разве ж я не понимаю. И улыбка оскомину набить может. А сын у тебя храбрец! Посему князь Святослав ныне кличет его на свой красный двор да на любезный разговор. Вот зачем я пришел.

Это известие не обрадовало Амелфу Тимофеевну.

– Знаю я, Ядрей Дорофеич, что ты у князя нашего в кумовьях ходишь, – хмуря брови, промолвила вдова. – Частенько Святослав Ольгович под твою дуду пляшет. Мой Василий под твои погудки плясать не станет. Запомни это!

– Да какая дуда, Амелфа Тимофеевна, – заулыбался Ядрей, – кто ныне нас, стариков, слушает? Уплыли годы, как вешние воды. – Тысяцкий снял шапку и похлопал себя по лысине.

Анфиска, наблюдавшая за ним из-за плеча своей госпожи, тихонько прыснула в кулак.

– Ступай, Анфиска, – строго проговорила Амелфа Тимофеевна, – скажи Василию, что воевода к нему пришел.

– А ежели Василий еще спит? – невозмутимо спросила служанка.

– Значит, разбуди.

Анфиска умчалась, только сарафан ее синий мелькнул в дверном проеме.

– Ох егоза! – усмехнулся тысяцкий. И взглянул на Амелфу Тимофеевну с хитроватым прищуром: – Когда-то и ты, Амелфушка, такой была. Не забыла, как парни за тобой увивались? И я был в их числе.

– Дело прошлое, – отрезала вдова.

– Три раза я к тебе сватов засылал, и все без толку. – Воевода досадливо ударил себя кулаком по колену. – А Буслай, купеческий сын, с первого раза тебя окрутил и под венец повел. Не иначе приворожил он тебя, Амелфушка. Ведь не любила ты его!

– Ты почему знаешь? – сверкнула очами вдова. – Чай, не тебе я исповедываюсь.

– Буслай же был старше тебя на тридцать лет!

– Зато был он телом крепок и умом светел.

– Потому и крепок был Буслай, ибо от волхованья на свет появился.

– Ложь это, Ядрей.

– А то нам не ведомо, чем отец Буслая промышлял! – Воевода погрозил вдове пальцем. – И про одолень-камень знаем, и про колдовские ночи...

Дверь в светлицу со скрипом распахнулась. Через порог, наклонив голову, переступил Василий со спутанными после сна кудрями. Поздоровался с матерью и с гостем, затем спросил:

– Что это за одолень-камень? О чем вы толкуете?

– Да ни о чем, Вася, – улынулась Амелфа Тимофеевна. – Воеводе нашему колдуны всюду мерещатся, поглупел на старости лет.

– Пусть поглупел, – хмыкнул тысяцкий, – лишь бы не обеднел.

– Зачем князь меня к себе кличет? – Василий остановился перед воеводой. – Поход, что ли, замышляет?

– А тебе сразу поход подавай, – усмехнулся Ядрей, – просто посидеть за столом с князем тебя не прельщает?

– Не велика честь пустозвоновы речи слушать, – недовольно бросила Амелфа Тимофеевна, покидая светлицу.

– Не велика честь, да есть, – со значением проговорил ей во след тысяцкий. Потом, подмигнув Василию, добавил: – Хоть и глуп снегирь, зато с красным пузом. А мы хоть и умны, но серые воробушки. – Ядрей расхохотался.

Рюриково городище, где с недавних пор жил новгородский князь, лежало на холме в трех верстах от Новгорода. Под холмом течет широкий Волхов, на другом берегу реки виднеются мощные каменные стены и башни Юрьева монастыря. Дорога к княжеской обители вела через лес, пробудившийся после зимней спячки.

Разгорающийся день наполнял светлый березняк звонким птичьим гомоном.

Теплый ветерок обдувал Василию лицо. Он, по привычке, гнал коня галопом. Воевода и два его дружинника приотстали. Жеребец у Василия арабских кровей, с ветром поспорить может!

Ворота обнесенной высоким частоколом с башенками по углам крепости были распахнуты, словно князь загодя ожидал гостей.

Копыта жеребца простучали по деревянному настилу подъемного моста, промелькнула над головой полукруглая арка из дубовых бревен, и Василий очутился на широком дворе, вымощенном камнем. Вокруг вздымались бревенчатые темные стены, прорезанные небольшими слюдяными окошками, двух- и трехъярусные, увенчанные двускатными тесовыми крышами. Выше всех крыш возносилась в голубое небо маковка деревянной церквушки с медным крестом.

Сзади подъехали Ядрей и его дружинники.

– Горазд ты на коне скакать, Вася, – улыбнулся воевода.

От княжьего терема подбежали челядинцы в длинных белых рубахах навывпуск, схватили коней под уздцы.

Василий легко спрыгнул с коня на землю.

Грузному же воеводе две пары услужливых рук помогли слезть с седла.

– Неповоротлив ты стал, Ядрей Дорофеич, будто колода с медом, – раздался чей-то насмешливый голос.

Ядрей и Василий разом обернулись.

Перед ними стоял князь.

Святослав Ольгович в свои сорок лет выглядел очень молодо. Был он строен и белокур. В чертах его тонкого лица с прямым носом угадывалось некое природное благородство, а синие глубокие глаза князя поражали своей красотой.

«Не зря по нем девки сохнут», – невольно подумал Василий, отвешивая князю поклон.

– Доброго здоровья тебе, князь.

Поклонился и воевода.

Князь упругой походкой приблизился к Василию и положил свою холеную руку, украшенную перстнями, ему на плечо. Он был на полголовы ниже Василия.

– Здравствуй, Василий, сын Буслаевич, – промолвил Святослав, сверкнули в улыбке его белоснежные ровные зубы. – Давно хочу я с тобой познакомиться.

И вот случай представился. Будь моим гостем на сегодняшнем застолье. – Князь глянул через плечо на тысяцкого: – Ну и ты присоединяйся к нам, воевода. Куда ж мы без тебя!

Ядрей снова поклонился.

В гриднице за столом уже сидело несколько новгородских бояр и купцов, среди которых Василий узнал шурина боярина Твердилы Добрилу и своего соседа Нифонта. У всех

были самодовольные лица и в то же время какой-то заговорщический вид. Василий и Ядрей, поздоровавшись со всеми, тоже сели за стол.

Князь сел во главе стола.

Одет Святослав был неброско – в белую рубаху с пурпурным оплечьем, белые порты и красные сафьяновые сапоги. Зато золота на себя князь нацепил достаточно: на шее золотая гривна, на голове диадема из золотых пластин, на пальцах золотые перстни с дорогими камнями и на правом запястье еще золотой браслет.

Румяные юные служанки обнесли гостей греческим вином.

Князь поднял свою чашу:

– Други мои! Призвал я вас, чтобы помянуть отца моего, скончавшегося в этот день тридцать лет тому назад. Почитай, всю жизнь добивался родитель мой стола черниговского, своей родовой вотчины, и лишь под конец жизни сумел-таки отнять Чернигов у Мономашичей. Светлая ему память!

Священник в черной рясе, поднявшись из-за стола, громко нараспев стал читать молитву за упокой «раба Божия князя Олега Святославича». Гости и князь тоже поднялись со своих мест и, склонив головы, молча внимали молитве.

Затем все осушили свои кубки. Только священник не притронулся к хмельному питью.

Вино Василию понравилось. Приглянулся ему и князь, и хоромы его. Да и гости, пожалуй, тоже, если бы не было среди них мордатого Добрилы и зануды Нифонта.

– Отведайте моего угощения, гости дорогие, – сказал князь.

Гости налегли на заливную осетрину и жаренную в соусе говядину, на заячьи потрошки и варенную в меду репу. Совсем недавно закончился Великий пост, стосковавшиеся по сытной пище желудки гостей требовали своего. Не отказывал себе в чревоугодии и непьющий священник.

Слегка насытившись, гости стали произносить здравицы. Сначала в честь гостеприимного хозяина, потом в честь его супруги черноокой, затем в честь его старшего брата великого киевского князя Всеволода Ольговича.

Хмель развязал языки, и речи, полные угроз, так и полились из уст бояр. Они грозили новгородскому посаднику и всем ремесленным концам Новгорода, которые на недавнем вече кричали против князя Святослава. Купцы были посдержаннее, но и они возмущались недалекостью своих братчин.

– Тупые головы средь наших корабельщиков желают видеть на новгородском столе сына Юрия Долгорукого, говорят, что Суздаль ныне стоит выше Киева, под его крыло и идти надо, – выкрикивал подвыпивший Нифонт. – А того не разумеют, что Юрий потому и хочет оторвать Новгород от Киева, чтобы самому в Киеве сесть князем. Обещаниям Юрия верить нельзя, не допустит он усиления Новгорода, потому как под боком мы у него и сила наша ему не в радость!

Тысяцкий Ядрей соглашался с Нифонтом, толкал в бок Василия:

– Дело сосед твой молвит! Разве нет?..

Василий не знал, что ответить. Давно ли он вернулся в родной город из трудного похода. Похода за призраком славы! До этого два года Василий отсутствовал в Новгороде, потроша купцов на теплом море близ персидских берегов. Сколько он себя помнит, князья русские постоянно между собой грызлись, и за кем из них больше правды, Василий не знал. Он и новгородского-то князя видит всего второй раз в своей жизни, а Юрия Долгорукого и вовсе никогда не видывал.

Поэтому Василий жует да помалкивает, а за столом между тем распаляются страсти.

– Много подпевал Юрьевых в народе развелось. Да и купцы, те, что с Суздаlem торгуют, тоже кричат на вече за Юрия, – возмущался Добрило. – Скоренько позабыли люди,

как покушался суздальский князь на окраины наши. Устюг и Торжок отнять у нас норовил. Обломал себе зубы Юрий Долгорукий, решил не битьем, так катаньем своего добиться!

– Подпевал этих дубьем бы да головой в Волхов! – молвил рыжебородый боярин Стас. – А в посадники нам надо своего человека провести. Хотя бы тебя, Добрило Омельянович.

– Я не прочь, – проговорил Добрило, – так ведь народишко всем скопом за нынешнего посадника стоит, чтоб ему пусто было!

– Радуетя голытьба, что уже в который раз верх над лучшими людьми берет, – прошипел Нифонт и опрокинул в рот очередную чашу с вином.

Князь пил мало, а говорил и того меньше.

Василий подметил, что Святослав прислушивается к речам бояр, приглядывается к гостям. И к нему тоже приглядывается, не зря, наверное. Василий, как и священник, молчком за столом сидит.

В разгар пира князь поднялся из-за стола и скрылся за дубовой дверью, возле которой застыл на страже гридень с мечом. Гостей это не смутило, словно они пришли сюда наговориться и присутствие князя для них было вовсе не обязательно.

Слуги меняют кушанья на столе, уносят объедки, а гости именитые все про свое толкуют, но и про яства не забывают. Кое-кто уже служанок за ноги хватать начал; хмель ударил в голову.

Внезапно рыжебородый Стас затянул застольную песню, все гости, кроме священника и Василия, стали ему дружно подпевать. Восемь глоток протяжно пели про храброго князя Олега, прозванного Вещим, поскольку знал он все, что в будущем случиться может. Сначала Олег княжил в Новгороде, однако мал показался вещему князю новгородский удел, двинулся он с ратью вниз по Днепру, захватил Смоленск и Киев. Объединил Олег вокруг Киева многие славянские племена, а сам стал единым князем на Руси. Ходил Олег войной и на Царьград, к вратам которого в знак победы прибил свой щит.

Василий еще в детстве слышал от ученого монаха Кирилла о вешем Олеге. Песню же о нем услышал Василий впервые, понравилась ему эта песня. Действительно, храбрый был князь Олег, всех врагов своих он сокрушил, не знал поражений в сечах, а умер по-глупому от укуса змеи. Значит, такой рок довлел над князем Олегом.

Какая же судьба уготована ему, Василию?

Святославов дружинник, наклонившись к плечу Василия, прошептал ему на ухо, мол, зовет его князь к себе в светлицу словом перемолвиться.

Василий направился вслед за дружинником.

Гости продолжали горланить песню.

Князь стоял у окна, когда Василий вошел к нему. Обернулся неторопливо, услышав голос Василия:

– Звал, княже?

– Сядь-ка, Василий. Поговорим по душам.

Святослав опустил на стул с подлокотниками.

Василий сел напротив. Его разбирало любопытство, зачем это он понадобился князю?

– Прашур мой Владимир Святой, когда княжил в Новгороде, терем свой в детинце держал, – медленно заговорил Святослав, глядя на носки своих сапог. – Прадед мой Ярослав Мудрый, получив новгородский стол, держал свой терем уже на Торговой стороне. Выгнало его новгородское вече из детинца. Меня же, правнука мудрого Ярослава, вольница новгородская и вовсе за городом поселила.

– А мне тут нравится, – признался Василий. – Место спокойное.

Святослав стрельнул в него глазами и жестко добавил:

– Но и этого спокойного места хочет лишить меня посадник новгородский и вече иже с ним.

– Мне про то неведомо, князь, – пожал плечами Василий.

– А мне ведомо, – промолвил Святослав. – Я хоть и живу на отшибе, но глаза и уши в Новгороде имею. Пращуры мои надавали в свое время вольностей новгородцам, эти вольности мне ныне и отыгаются.

Василий нахмурился:

– Не пойму, княже, зачем ты мне про это толкуешь? Ведь и я новгородец.

– Новгородец новгородцу – рознь. За дверью тоже новгородцы пьют да песни поют, но все они за меня.

– Все равно не возьму я в толк, княже, куда ты гнешь.

Святослав помолчал, словно собираясь с мыслями.

– Хоть ты и молод, Василий, но широко в Новгороде известен. Народу ты люб. Вот кабы стал ты принародно за меня ратовать, а Юрия Долгорукого повсюду хулить, я бы в долгу пред тобой за это не остался.

Василий усмехнулся: он все понял.

– Эх, князь! Коль ехало не едет, то и «ну» не повезет.

– Стало быть, и ты против меня, Василий?

– Не видал я от тебя таких благодеяний, князь, чтобы за тебя ратовать, а от Юрия не видал такого зла, чтоб ругать его принародно. Вот и все.

– Нет, не все, Василий, – покачал головой Святослав. – Лучше послушай меня внимательно. Я ведь сразу распознал, что ты за человек и отчего тебе на месте не сидится. Огонь у тебя в сердце, и жжет сей огонь тебя! Таким, как ты, самые великие дела по плечу. Ни горы, ни моря, ни полчища вражеские не остановят таких, как ты. Даже имя твоё означает «царственный», а ты прозябаешь в ничтожестве, прости Господи!

У Василия дрогнули брови.

– Неправду молвишь, князь. Я в Новгороде среди кулачных бойцов первый, один на стенку хаживал. Из лука стреляю так, как не каждый из твоих гридней сможет. И злата и серебра у меня хватает. И друзьями Бог не обидел.

– Значит, ты всего достиг в жизни, друг Василий?

– Всего не всего, но многого, князь.

– А всего ты в Новгороде и не достигнешь, друг мой. Попробуй-ка здесь выше головы прыгни, мигом в изгоях окажешься. Не зря ведь купцы новгородские тебя к себе не принимают, хоть ты и купеческий сын.

Василий промолчал.

Князь же продолжил:

– По отцовской стезе, Василий, ты не пойдешь. Торговец из тебя не получится, ибо ты – воин. Кабы был ты князь, то смог бы мечом добыть себе и лучший стол, и лучшую долю. Но раз уж не родился ты в княжеской багрянице, значит, тебе надлежит быть подле князя, среди дружинников его. Тогда и доблесть твоя, и жажда к подвигам воссияют, как полуночная звезда. Слава рождается под звон оружия, Василий. А выходить в одиночку на стенку – это не подвиг, а дурь.

Хотелось Василию уязвить князя, спросить его, мол, сам-то когда-нибудь выходил ли один хотя бы против четверых, но не повернулся у него язык. Показалось Василию, что не насмехается над ним Святослав, но стремится втолковать ему некую истину. Удивительно, чужой вроде человек, а как точно подметил самую суть в душе Василия.

– Прозорлив ты, княже, – промолвил Василий. – Ратные дела я действительно люблю больше торговли. И слава для меня ценнее прибыли. Только если уж идти мне в дружинники,

то лучше к Юрию Долгорукому, ибо он-то воюет на севере и на юге. Ты же сегодня князь, а завтра в грязь.

– Суздальский князь всю свою жизнь за киевский стол воюет, пока неудачно, – сказал Святослав. – В Киеве теперь брат мой старший сидит, а случись что со Всеволодом, тогда я на киевский стол сяду. Стану великим князем. Юрий Долгорукий зарится на земли новгородские, а то, что он дружелюбие свое новгородцам показывает, так это оттого, что не одолел он покуда новгородцев в сече. Но дружелюбие это до поры, поверь мне, Василий. По правде говоря, у суздальского князя будешь ты самое большее младшим дружинником, я же гридничим тебя сделаю.

Василий пристально посмотрел Святославу в глаза:

– На Суздаль хочешь ратью идти, князь?

– Сначала мне надо на новгородском столе удержаться, – уклончиво ответил Святослав. – Поможешь мне в этом, Василий?

Колебался Василий. Не любил он влезать в вечевые дразги, но ясный открытый взгляд князя подкупил его. И Василий решился.

– Ладно, князь. Чем смогу, помогу.

В тот же день, вернувшись домой, Василий стал совещаться со своими побратимами.

– Довольно нам не у дел сидеть, – молвил Василий. – Князь наш поход на Суздаль замышляет, а вече грозит скинуть его ради сына Юрия Долгорукого. Не хотят купцы да посадские ссориться с суздальским князем. Вот и задумал я пособить князю нашему, други мои. Князь нас за это отблагодарит.

По лицам друзей понял Василий, что не прельщает их служить Святославу Ольговичу.

– Чего вкривь да вкось глядите! – рассердился Василий. – Молвите без утайки, чем недовольны?

– На печи лежать, оно, конечно, скучно, – первым высказался Костя Новоторженин, – зато сам себе господин. А князю служить – день и ночь тужить.

– Я согласен с Костей, – коротко отозвался Домаш.

– Не тот воитель Святослав Ольгович, чтобы с Юрием Долгоруким тягаться, – вздохнул Фома. – Без своего брата Всеволода Ольговича он в поход не выступит, а у Всеволода на юге делов неупорот, до Суздаля ли ему!

И только Потаня ответил вопросом на вопрос:

– Чем прельстил тебя князь Святослав, Василий?

– Мне показалось, он достойный человек.

– Показалось?

– Хочется верить, Потаня, что это так и есть.

– Про Святослава говорят столько нехорошего. Он и девиц соблазняет, и у резоимщиков деньги выманивает по подложным грамотам, и лжесвидетельствует в суде...

– Про меня тоже немало говорят, – пожал плечами Василий. – Стал ли я хуже от этого, чем есть?

– Ты обещал помочь князю?

– Да, Потаня.

– Слово не воробей... – Потаня печально вздохнул. – Придется тебе выполнять обещание. А коль не послушают тебя новгородцы?

Василий задумчиво потер лоб.

– Вот и выходит: впрягся баран в соху, а пахать не умеет, – беззлобно усмехнулся Потаня. – Что тебе во благо, Вася, то вряд ли будет во благо людям, пострадавшим от Святослава.

– Да что вы меня поучаете! – вскипел Василий. – Без вас обойдусь. Святослав им не по душе! Признайтесь лучше, что робеете вступить за Ольговича, когда в Новгороде на каждом углу ратуют за Юрьевича.

Размолвка Василия с друзьями скоро стала известна всему дому.

Амелфа Тимофеевна относилась ко всем сыновним побратимам с материнской любовью, потому и не прогоняла молодцев из своего терема несмотря ни на что. «Поссорились – помиряются. Дело молодое!» – рассуждала вдова.

Друзей у Василия, конечно, хватало и кроме побратимов. Со всеми переговорил Василий, но лишь двое согласились вместе с ним за князя Святослава стоять. Это были Викула, сын шорника, и Ян, сын стеклодува, прозванный Лунем за белобрысый цвет волос. Такого с Василием еще не случалось, чтобы сотоварищи его не шли за ним по первому зову.

«Ничего, – утешал себя Василий, – выйду в воеводы, сами ко мне прибегут!»

Между тем в Новгороде нарастало зловещее противостояние. Кучка бояр и часть купечества тайно готовились к схватке за Святослава Ольговича против всего народа, возглавляемого посадником. Распространился слух, будто бы пересылается письмами посадник с князем суздальским. Это побудило сторонников Святослава однажды поздно вечером собраться на совещание в доме тысяцкого.

Пришел на то собрание и Василий.

– Коль начнут черные людишки вставать на вече против Святослава, не пересилить нам их, ибо меньше нас, – говорил Ядрей. – Действовать надо, покуда в вечевои колокол не ударили. Крикунов посадских нужно припугивать, а кого и в ножи, но только без шума. А посадничку петуха красного во двор запустить, дабы у него о другом голова болеть начала. Что скажете на это, други?

Все пришедшие на тайный совет согласились с воеводой.

И только Василий возразил:

– Запугивать людей – это одно, Ядрей Дорофеич, а ножами резать – это совсем другое. Я на такое дело не мастак, предупреждаю сразу. И с огнем баловаться не люблю. Не ровен час, от мести вашей полгорода выгореть может.

– Робеешь, Вася? – прищурился воевода.

– Не пристало тебе это, Василий, – с жаром вымолвил Добрило.

Василий усмехнулся:

– Еще неизвестно, бояре, кто из нас больше робеет.

– Что ты предлагаешь? – раздраженно спросил рыжебородый боярин Стас.

– Надо пойти к посаднику и спросить его напрямик, получал ли он грамоты от суздальского князя, – сказал Василий. Ему самому не верилось в это.

Бояре зароптали. Их гневные взгляды устремились к тысяцкому, мол, кого ты позвал на такое дело!

Ядрей постарался исправить положение.

– Неопытен ты, Вася, в государственных делах, поэтому и молвишь ерунду, – заговорил он, придав своему лицу добродушное выражение. – И в людях ты еще не научился разбираться. Обманет тебя посадник и глазом не моргнет. Не пойман – не вор. Не хочешь двор посадника поджигать – не надо, не желаешь кровью пачкаться – изволь. Дам тебе иное поручение. Сделаешь?

– Что за поручение? – насторожился Василий.

– Пригласишь к себе в гости корабельщика Гремислава и угостишь его медом хмельным, но перед этим подмешаешь в питье порошок, какой я тебе дам. Захворает Гремислав не сразу, а на третий день. Так что подозрений на тебе не будет. Не любит Гремислава князь Святослав за речи его дерзкие. Да и тебе, Вася, Гремислав успел насолить, выступив против тебя в Никольской братчине. Обид прощать нельзя!

– Не гожусь я на такое дело, – промолвил Василий и поднялся со стула.

Бояре опять зароптали.

Тысяцкий заволновался:

– Экий ты щепетильный, Васенька. Никак тебе не угодишь! Куда ты собрался? Посидел бы еще. Не все еще сказано.

– С меня довольно услышанного, – возразил Василий, явно собираясь уходить. – Не обессудь, воевода. Не хочу греха на душу брать. Прощай!

– Ты и так в грехах по уши, дурень! – сердито воскликнул Ядрей.

Василий обернулся на этот окрик уже у самой двери.

– Те грехи по молодости были, воевода. Без умысла я тогда грешил. И каюсь ныне за прошлое свое.

Выйдя из горенки, Василий решительно захлопнул дверь. Зачем он только пришел сюда! Спускаясь вниз по ступенькам к выходу из терема, Василий слышал, как бояре гневными голосами ругают тысяцкого, костят почем зря и самого Василия. «Экую овечку из себя строит! Будто не проливал он кровь человеческую!»

На темной улице обуяла сердце молодецкое грусть-тоска, словно оказался Василий один-одинешенек на всем белом свете.

В майском небе перемигивались далекие звезды, холодные и безучастные ко всяким людским делам. Тишина окутывала все вокруг, лишь скрипнула где-то в отдалении калитка да взлаял потревоженный кем-то пес на соседней улице.

Василий понуро брел по дощатой мостовой вдоль высокого тына. Он, похоже, и впрямь не умеет разбираться в людях. Что-то недоглядел он в Святославе и в тысяцком тоже. А может, Святославу невдомек, что тысяцкий такие злодейства ради него замышляет?

Надо будет еще раз потолковать с князем, неужто он одобрит смертоубийство и поджоги домов!

Свернув в переулок, Василий зашагал быстрее. Быстрее завертелись и мысли у него в голове.

«Верно молвил Потаня о Святославе. И свеж и гош наружно Ольгович, однако новгородцам он не люб! Натерпелись они, видать, от него несправедливостей. По всему выходит, в Новгороде у Святослава недругов больше, чем друзей».

Сзади слышались быстрые приближающиеся шаги.

Василий оглянулся, но никого не увидел. Улица была пуста. Через минуту тот же шум за спиной заставил Василия остановиться.

Из-за угла вынырнула темная фигура и торопливо приблизилась к Василию.

Это был Нифонт.

– Широко шагаешь, сосед, – с усмешкой промолвил купец. – За тобой не угонишься. Нам ведь по пути.

– Что, закончил свои разговоры Ядрило? – спросил Василий, двинувшись дальше.

– Не ведаю, – беспечно отозвался Нифонт и зевнул. – Ушел я, как и ты. Почти убег. Я ведь торговец, а не тать.

– Правильно сделал, – похвалил Нифонта Василий.

В нем даже появилось невольное уважение к Нифонту.

– Сильно осерчал на тебя воевода, – приятельским тоном сообщил Нифонт.

– Переживет! – буркнул Василий.

– Злопамятен Ядрей Дорофеич, – продолжил Нифонт. – От него любой каверзы ждать можно.

Василий промолчал.

– Тебе не страшно, Вася, а я вот робею, – признался Нифонт.

Василий опять промолчал. Да и чем он мог утешить Нифонта?

В конце Холопьевой улицы Нифонт вдруг схватил Василия за руку и, волнуясь, забор-мotal:

– Не буду я нынче дома ночевать, мало ли что удумает против меня воевода. У жениной сестры переночую. Вот ее дом. Подсоби мне, Вася, через частокол перебраться.

– Почто так? – удивился Василий. – Постучи в ворота, нешто не откроют?

– Будить не хочу, – прошептал Нифонт. – Я через сад проберусь к бане, там и ото-сплюсь. Только ты никому ни гу-гу об этом!

– Ладно. – Василий сдержал усмешку, решив, что Нифонт лукавит, совсем не баня его интересует, а постель молоденькой свояченицы, муж которой в данное время находился в Ладогe.

Нифонт узкой тропкой провел Василия на зады, где тын был пониже, и шепотом попро-сил его нагнуться.

– Я взберусь тебе на спину и перемахну через забор.

– Сапогами меня не извози, – проворчал Василий, нагибаясь.

Нифонт торопливо обтер сапоги о траву и с кряхтеньем полез на забор, упираясь ко-ленями в широкую спину Василия. Нифонт был уже наверху, когда из-за соседнего частокола выскочили четверо молодцев в надвинутых на глаза шапках и молча бросились на Василия.

Василий не растерялся.

От его сильного удара кулаком один из нападавших упал на землю и остался лежать. Трое других повисли на Василии, пытаясь скрутить ему руки.

Василий отчаянно боролся, головой расквасив нос еще одному из злодеев. Он спра-вился бы и с двумя оставшимися, но сильный удар по голове чем-то тяжелым погрузил его в беспамятство.

Глава пятая

Волховица

Очнулся Василий от холода. Он открыл глаза и сначала даже не понял, что открыл их, – такая его окружала темнота. Время и пространство перепутались у него в сознании. Не покидало ощущение, что он находится в какой-то необъятной черной бездне. На уши давила полнейшая тишина.

«Может, я уже на том свете? – подумал Василий. – Может, я в аду? Холод здесь, во всяком случае, адский!»

В памяти постепенно прояснилось все произошедшее с ним до того момента, когда на него навалились неведомые злодеи. Василий ощупал голову, она была в крови. Кровь засохла и на его разбитой скуле. Холод все сильнее давал себя знать.

Василий попытался встать во весь рост и ударился головой о низкий потолок.

«Так, похоже, это все-таки не ад», – промелькнуло у него в голове.

Василий сделал шаг вперед, потом еще и еще – рука уперлась в бревенчатую стену. Василий пошарил вдоль стены, нащупал угол и другую стену, пробрался вдоль нее – вновь наткнулся на угол. Он опустился на корточки, прислонившись спиной к стене. «Теперь понятно – это подземелье!»

Василий стал размышлять.

Сработан поруб добротен, значит, владелец его человек знатный, имеющий холопов, которые и мыкаются здесь, провинившись перед господином. Скорее всего, это застенек тысяцкого или кого-то из его друзей-бояр, а может, и княжеский. Чей бы ни был поруб, куда угодил Василий, в одном он был твердо убежден – к нападению на него причастен тысяцкий и его единомышленники, что собирались у него в доме. Всполошил их Василий своим отказом участвовать в их черных делах, вот и решились они пленить его, дабы он не разболтал лишнего.

С тем и Нифонта к Василию подослали. А он-то, растяпа, поверил байкам Нифонтовым про гнев Ядрилы, про ночевку у свояченицы... Василий горько усмехнулся. Ловко с ним справились, ничего не скажешь!

Долго, очень долго просидел Василий в кромешной тьме и в пронизывающем холоде, не обращая внимания на болевшую голову, забыв о голоде. Спать он не мог. Пытаясь хоть как-то согреться, Василий то и дело двигался, хлопывал себя по плечам.

Наконец откуда-то сверху раздался шорох, настолько явственный, что узник невольно вздрогнул и весь обратился в слух. Послышались еле различимые голоса, стук железа. Со скрипом поднялась крышка люка, и в мрачное подземелье прорвался красноватый свет масляной лампы.

– Ну и вонища! – пробасил чей-то голос. – Эй, соколик, вылезай!

Сверху спустили лестницу.

Василий на негнущихся ногах выбрался наверх и столкнулся лицом к лицу с мельником Жидятой и двумя его сынами, мрачными увальнями.

Василию связали руки и повели его темными переходами неизвестно куда. Втолкнули в какую-то каморку, заперев дверь снаружи.

– До вечера посидит здесь, – долетел до Василия удаляющийся голос мельника.

Один из его сынов спросил о чем-то отца, но ответ Жидяты Василий уже не расслышал.

В каморку доносился глухой шум воды с плотины.

Так, значит, он на мельнице! Василий знал это место. Знал он и Жидяту-нелюдима, которого все в Новгороде обходили стороной, ибо ведали, что не по-христиански живет

Жидята. Языческим богам поклоняется. Первую жену схоронил, взял вторую, которая поначалу выходила замуж за старшего Жидятиного сына.

Женщина эта пришла в Новгород откуда-то с Белоозера и слыла волховицей. Про нее рассказывали, будто бы знает она секрет вечной молодости. Сколько лет живет она на мельнице, а все так же молода и хороша собой. Ни морщин у нее нет, ни хворей, но и детей тоже нет. И, вероятно, не будет.

Василий ни разу не видел мельничиху-волховицу, но слышал о ней много раз.

В каморке было тепло, и Василия разморило. Прикорнув в уголке, он не заметил, как крепко уснул. И снился ему сон.

Будто вошли к нему в каморку сыновья мельника, молчаливые, оба в белом, словно призраки. Развязали Василию руки, повели за собой. Вывели на темный двор. От свежих ночных запахов у Василия закружилась голова. Перед ним был дом мельника с лошадиным черепом на коньке крыши. В доме остро пахло полынью и еще какими-то травами.

Сыновья мельника толкнули Василия в низкие двери, сами остались снаружи.

Взору Василия открылась тесная горенка, освещенная горевшей лучиной. На столе лежал обнаженный по пояс мельник с рассеченной грудью. В его нутре копалась окровавленными руками молодая женщина в темном облегающем платье. Голова ее была низко опущена, поэтому лица женщины не было видно. Изумленный Василий застыл столбом посреди горенки.

Женщина с чавкающим звуком извлекла руки из разверстой человеческой грудины и медленно подняла голову.

Ее косы были уложены венцом. Алебастровой белизны лоб и щеки отливали холодом, как и большие зеленовато-серые глаза, обрамленные густыми ресницами. На бледных губах женщины появилась слабая улыбка, которая, впрочем, нисколько не украсила это холодное лицо. Женщина властно указала Василию на скамью у стены.

Повинуясь жесту окровавленной руки, Василий сел, ощущая трепет во всем теле. Он был бы рад убежать отсюда, но его вдруг обуяло какое-то безволие.

В том, что перед ним волховица, сомнений у Василия не было никаких. Дальнейшее поразило его еще больше.

Женщина уверенными движениями запахнула две части распоротой человеческой плоти, будто полы полшубка, и очень медленно провела по разрезу ладонью, что-то шепча себе под нос. После чего – Василий не верил своим глазам! – от разреза не осталось и следа.

На зов волховицы появились сыновья мельника и унесли своего отца из горенки, причем мельник более походил на бревно. Один из сынов держал его за голову, другой за пятки. Тем не менее тело мельника оставалось вытянутым в струнку, с прижатыми к бедрам руками.

Затем волховица пригласила Василия к столу. Василий повиновался.

Мельничиха погрузила свои обгаренные свежей кровью руки в глубокое блюдо с молоком и омыла их неторопливыми заботливыми движениями. Создавалось впечатление, что эта необычная женщина очень любит и лелеет свои руки. Омытые в молоке, они и впрямь поражали своей нежной белизной и перламутровым блеском розоватых ногтей.

Вытираясь рушником, мельничиха искоса наблюдала за Василием. От нее не ускользнуло, с какой пристальностью тот разглядывает кровавые пятна на столешнице.

– Не верь очам своим, – с усмешкой промолвила мельничиха и простерла правую руку с растопыренными пальцами над столом, сделав плавный круг.

На глазах у изумленного Василия кровь вдруг задымилась и исчезла, будто испарилась.

Мельничиха поставила на стол две глиняные кружки, налила из кувшина медовой сыты, себе и Василию. Опустившись на стул, женщина первой осушила свою кружку, высоко подняв согнутый локоть и откинув голову назад. При этом явственно обозначились под обле-

гающим платьем ее упругие груди, стала видна белая нежная шея. На вид волховице было не более двадцати пяти лет.

Она стукнула по столу опорожненной кружкой и повелительно сказала, взглянув на Василия:

– Пей!

Василий несмело пригубил из своей кружки. Медовая сыта пришлась ему по вкусу.

– Ты волховица? – осторожно спросил он.

– А ты как думаешь? – Женщина хитро улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами.

– После увиденного...

– Повторяю тебе, не верь очам своим.

– Чему же верить, как не очам?

– Сердцу верь и вещаниям Судьбы.

– А коль молчат и сердце, и Судьба?

– Все до поры, младень.

– Когда же наступит моя пора?

– Тебе не терпится любить?

– Нет. Хочу знать, что ждет меня впереди.

– А не боишься?

– Не боюсь.

Волховица несколько мгновений пристально глядела в глаза Василию. Она была необычайно серьезна.

– Вижу по очам твоим, младень, дерзости полна душа твоя и не будешь ты знать покоя ни на этом свете, ни на том. В метаниях и поисках проведешь ты дни, отведенные тебе Судьбой.

– Что будет со мной на том свете, мне неинтересно, – нетерпеливо вставил Василий. – Ты скажи, совершу ли я что-нибудь достойное в этой жизни. И много ли дней отмерено мне Богом?

– Дней отмерено тебе немного, не доживешь ты и до тридцати лет, – вздохнула волховица, – а достойные поступки ты уже совершил. И один из них – твой отказ проливать кровь собратьев-новгородцев. Правда, недостойных поступков покуда больше в твоей жизни.

– Я не про это, – отмахнулся Василий. – Пройдет ли обо мне слава по всей земле Русской?

В больших глазах мельничихи промелькнуло удивление.

– Зачем тебе это?

– Каждому свое, – отрезал Василий. – Ты желаешь оставаться молодой до ста лет, а мне хочется славы громкой.

Волховица понимающе покивала красивой головой, затем безмолвно стала распускать свои русые косы.

Василий молча взирал на нее.

Окутавшись пышными волосами, как плащом, волховица достала из-под стола небольшую кадучку, до половины наполненную водой, и водрузила ее на стол. Потом она принесла откуда-то немного золы и бросила в воду. Затем волховица подошла от лучины сухой березовый веник и, помахивая им перед собой, зашептала какие-то заклинания. Загасив веник в воде, она бросила его на пол. Склонившись над кадучкой, волховица долго вглядывалась в темный круг мутной воды, словно со дна кадучки должно было вынырнуть невесть что.

Наконец женщина шепотом подозвала к себе Василия.

– Гляди. – Она ткнула пальцем в кадучку. – Вот она, твоя суженая, которая, однако, тебе не достанется.

Василий склонился над кадешкой. Перед ним едва колыхалось черное оконце банной водицы, пропахшей березовым дымком, и больше ничего.

– Где? – прошептал Василий.

Волховица подула на воду, из ее темного мрака вдруг проступили очертания женского лица с большими глазами и прямым носом.

– Да это же ты! – воскликнул Василий.

Волховица отодвинулась от кадешки, но женский образ на воде не исчез, наоборот – он стал еще явственнее.

Кожа незнакомки светилась матовым блеском, глаза сияли, слегка припухлые губы были властно сжаты. Ее прекрасный лоб украшала диадема, в которой сверкали драгоценные камни. Вьющиеся волосы незнакомки были уложены в замысловатую прическу, какие не носят женщины на Руси.

– Как она похожа на тебя, – пробормотал Василий, оборачиваясь на мельничиху. – Это, случаем, не твоя сестра?

Мельничиха отрицательно мотнула головой:

– Ты же видишь, сия незнакомка не русских кровей.

Василий опять склонился над женским ликом на воде, который постепенно стал бледнеть, будто погружался в глубину, пока не исчез совсем.

– Запомнил свою суженую? – спросила волховица.

Василий не ответил, стараясь понять, каким образом мельничиха проделывает все это. Ведь это было ее изображение на воде! Если бы не прическа и не диадема, которые все-таки немного изменили ее внешность, сходство было самое полное.

Не дожидаясь ответа, волховица опять принялась за свое колдовство. Она шептала заклинания, размахивала руками, дула на воду. Вода в кадешке забурлила пузырями, хотя не было никакого пара.

– Гляди, гляди! – шептала мельничиха. – Вот человек, которого тебе в будущем надлежит остерегаться.

Вода в кадешке успокоилась. Из нее на Василия глядело лицо одноглазого длинноволосого мужа с крючковатым носом и шрамом на левой щеке.

– Кто это? – тихо спросил Василий.

– Сатана в облике человеческом, – так же тихо ответила волховица.

– Чем ты докажешь, что это правда? – вызывающе спросил Василий.

– Будущее докажет, – спокойно ответила прекрасная колдунья.

– Где я окончу свои дни?

– Далеко от Руси. – Волховица наклонила над столом кувшин с медовой сытой, но из кувшина полилась не сыта, а стал сыпаться песок тонкой струйкой. – В далекой стране, где солнце палит немилосердно, где существуют мертвые наравне с живыми и откуда нет возврата.

– Ты не сказала, прославлюсь ли я?

Волховица как-то странно посмотрела на Василия.

– Прославишься, коль найдешь магические надписи на горе, что возвышается над рекой Иордан.

– Только и всего? – удивился Василий.

– Только и всего, – грустно улыбнулась волховица, – ежели не считать, что путь к той горе лежит через три моря и три горных кряжа, через реки бурные и знойные пески, по костям мертвецов и сквозь полчища жестоких врагов. Таким будет твой земной путь, младень. Путь к славе и... смерти.

– Да не страшай ты меня! – проворчал Василий.

– И не помышляю, – ответила волховица, – что тебе Судьбой предначертано, о том и говорю.

* * *

...Проснулся Василий будто от толчка. Приподнялся. Огляделся. Звездная теплая ночь распростерла над ним свои темные крылья. Он сидел на берегу реки под ракитовым кустом, вокруг не было ни души. Засохшая кровь исчезла с его лица и головы, не было веревок у него на руках.

В памяти Василия еще звучали слова красивой волховицы, лики будущего, вызванные ею, вновь проплывали перед ним, таинственные и зловещие. Вспомнился окровавленный Жидята, сыны его и колдовские распахнутые очи, взгляд которых проник в самую душу Василия.

Быль иль небыль, сон иль явь?

Глава шестая

Бремя грехов

Дома Василия встречали с радостью и слезами. Амелфа Тимофеевна упала сыну на грудь. Друзья-побратимы поочередно тискали его в своих объятиях. Анфиска не могла сдержать счастливых слез.

– Уж не чаяли живым тебя увидеть, – говорил Василию Потаня. – Где же ты пропадал два дня и две ночи?

– У Ядрея Дорофеича в гостях подзадержался, – с мрачной усмешкой ответил Василий.

– Мы тоже подумали: коль ты вознамерился за Святослава стоять, значит, бежал вместе с тысяцким в Псков, – сказал Фома. – Ядрей-то в Псков подался, и сотоварищи его туда же бежали.

– Святослав Ольгович в Смоленск убег вместе с женой и детьми, – вставил Костя Новоторженин.

– Что творилось в Новгороде вчера и позавчера! – воскликнул Домаш.

– Что же именно? – загорелся любопытством Василий.

Перебивая друг друга, побратимы поведали ему, что третьего дня рано поутру люди тысяцкого зарезали кого-то из посадских и дом посадника подожгли. Пожар на соседние дома перекинулся, народ всполошился. Поджигателей поймали и утопили в Волхове, одним из них оказался купец Нифонт.

Затем ремесленный люд ринулся на дома знати. Дом боярина Братилы раскатали по бревнышку. Подпалили дом рыжебородого Стаса, а его самого топором зарубили. Чадь боярская и людишки тысяцкого день и ночь напролет бились с народом по всей Торговой стороне. Ядрей посылал гонца к Святославу за подмогой, но князь не стал вмешиваться, собрал барахлишко и утек в Смоленск.

Видя, что народ одолевает, сторонники Святослава стали разбегаться кто куда. Одни бежали в Ладогу, другие в Псков.

– Посадник на вече ратовал за сына Юрия Долгорукого и предложил новгородцам послать гонца в Суздаль, – в заключение добавил Потаня, – а заодно готовиться к войне с киевским князем, ибо не простит новгородцам Всеволод Ольгович такого самоуправства. На том и разошлись.

– Весело живете, – с горькой улыбкой промолвил Василий.

– Да уж куда веселей! – обронил Потаня.

Видел Василий, что ждут его друзья, когда он поведаст им о своих злоключениях, но не знал он, как рассказать о пережитом. Может, все это ему приснилось?

Чтобы не обижать друзей, Василий поведал им, что после размолвки с тысяцким ушел он с тайного боярского сборища. На темной улице напали на него неизвестные люди, оглушили и бросили в подвал. Как выбрался оттуда, Василий сам не возьмет в толк. Очнулся он в лесу на берегу Волхова.

– Может, опоили тебя чем? – проговорил Фома.

– Может, и опоили, – пожал плечами Василий. – Ничего не помню.

– Совсем ничего? – поинтересовался Домаш.

– Одного из злодеев, кажется, Жидятой звали. Может, это был мельник Жидята?

– Мельника Жидяту убили вчера, – сказал Потаня, – а женка его и сыновья сгинули незнамо куда.

– Кто же теперь на их мельнице живет? – спросил Василий.

– Никто не живет. Мельница та в княжеском владении. Вот приедет новый князь, поселит там кого-нибудь.

– Я хочу осмотреть Жидятину мельницу, – сказал Василий.

– Давайте съездим, – согласился Потаня.

После полудня сели молодцы на коней и поскакали к Жидятиной мельнице. Это было по дороге к Рюрикову городищу.

В доме мельника всюду были следы поспешного бегства. В одной из комнатух Василии задержался. Он узнал стол, за которым ему довелось посидеть, узнал кувшин и кадушку, стоящие на нем. В кадушке была вода. На полу валялся обгоревший березовый веник. Значит, это был не сон!

Выйдя на двор, Василий посмотрел на конек крыши – там висел белый лошадиный череп.

На мельнице был обнаружен глубокий погреб с опущенной в него лестницей.

Василий узнал и место своего заточения. Мысли его перепутались. Даже после подтверждения своих догадок он никак не мог связать воедино все случившееся с ним накануне. Во всем этом было что-то непонятное и необъяснимое.

За огородом на пригорке, куда доносился шум воды с плотины, была найдена свежая могила. Видимо, здесь покоился прах мельника Жидяты.

Осмотрев все вокруг, молодцы поехали обратно в Новгород.

– Ну что, тот ли это погреб? – спросил Потаня у Василия.

– Тот самый, – ответил Василий.

– Жидята все-таки поплатился за свое злодеяние, – промолвил Домаш. – Страшный, говорят, был человек. Жена его и вовсе колдуньей слыла.

– Вася, видел ты женку Жидяты? – спросил Фома.

– Нет, не видел, – ответил Василий и опустил глаза.

* * *

Во время летнего солнцестояния в лугах над Волховом начинались вечерние гулянья. Девицы плели венки из луговых цветов, опускали их в реку, загадывая о суженом.

В эту пору лета старые люди собирают лечебные травы, чтобы подоткнуть их под матицу в доме – для здоровья и от гнуса. Замужние женщины ходили на реку мыть квашню и подойники, дабы жить богаче.

В ночь на Ивана Купалу, по славянским поверьям, выходили из земли души умерших, а возле рек и озер озоровали русалки.

Но буйство солнечных дней, самых длинных в году, не горячило кровь Василию, девичий смех под окном не учащал его сердцебиение, как в былые времена. Целыми днями Василий не выходил из своей светелки, листал книги или бродил из угла в угол.

Друзья недоумевали: уж не заболел ли Василий?

Как-то за обедом Фома проворчал:

– Кое-кто недавно корил нас, что на боку лежать мы горазды, а сам ни на дело, ни на веселье собраться не может. Думает о чем-то, думает! Сказал бы хоть нам, что за кручина тебя гложет, Вася. Может, вместе-то и совладали бы с ней.

Фома умолк, поймав на себе строгий взгляд Потани.

– Я не держу вас, – не отрываясь от тарелки с супом, сказал Василий. – Веселитесь на здоровье иль занимайтесь делом каким.

– Да мы-то веселимся, – отозвался Костя Новоторженин, – не один вечер уже возле реки провели с парнями и девушками с Неревского конца. Все о тебе спрашивают. Где да где Василий? Почто мы тебя с собой не привели? Будто ты дитятко малое!

Василий отодвинул от себя тарелку с похлебкой.

– Ладно, будь по-вашему. Нынче вечером пойду с вами через костер прыгать.

Побратимы оживились, заулыбались. Особенно Фома.

– Времени до вечера еще навалом, Вася, – с улыбкой заговорил он, – так что успеешь и поразмыслить, и книги почитать. Я и сам, может, читал бы дни напролет, да вот беда – грамоте не обучен. А учиться лень.

Обижаться на своих друзей Василий не умел: хоть и бывали у них размолвки, но до вражды никогда не доходило. По всему выходило, что побратимы во многом лучше самого Василия. Взять хотя бы Фому.

Пусть Фома неграмотный, зато любое зло, как бы оно ни маскировалось, от добра отличит. Говорит нескладно, зато складно мыслит, и в его косноязычной речи нет-нет да и промелькнет народная мудрость, ибо востер умом Фома. Все полезное, где бы он ни услышал, – запоминает. Да и привязан Фома к Василию, любит его, как брата родного. Одно слово – побратим. Ну как не уступить такому другу!

Незаметно подкрался вечер. И хотя светло еще было, но дневные птахи уже смолкли, уступая место пернатым певцам сумерек.

Солнце наполовину скрылось за лесом. Опустилась тишина. И только в лугах и перелесках за городской стеной среди чуткого безмолвия доносились издалека переклички парней и звонкий девичий смех.

Василий и его побратимы, поплутав по лесу, неожиданно набрели на поляну, посреди которой ярко пылал огромный костер. Вокруг костра водили хоровод два десятка нагих девушек с венками на головах. Распущенные по плечам волосы делали юных танцовщиц похожими на русалок. Рядом на траве валялись брошенные девичьи одежды.

Угодили молодцы на сокровенное девичье гадание.

При виде парней, вышедших из леса, девицы подняли громкий испуганный визг и бросились врассыпную, как встревоженные косули. Некоторые из девиц успели подхватить с земли одежду, но многие так и убежали в лес обнаженными. Замелькали среди деревьев соблазнительные белокожие девичьи спины, плечи и иные округлости, до коих так жадны мужские очи.

Одержимые веселым азартом, молодцы кинулись вдогонку за убегающими девушками, улюлюкая на бегу.

Внезапное появление мужчин скорее смутило девушек, нежели по-настоящему напугало. Об этом говорили их смех и игривые удаляющиеся голоса, дразнящие юношей. Это была своего рода ритуальная игра. Даже хромой Потаня и тот участвовал в погоне.

Купальская ночь священна. Если какая-нибудь девушка согласится подарить свою непорочность приглянувшемуся ей юноше, в этом не будет ничего постыдного. Однако юноша потом должен будет объявить девушку своей невестой. Это было что-то вроде помолвки, в которой участвуют лишь молодые люди, не спрашивая согласия у старших родственников.

Потому-то девушки не столько убежали, сколько кружили по лесу, не удаляясь слишком далеко от освещенной костром поляны. Вскоре одна остроглазая девица высмотрела себе рослого Костю, позволив ему догнать себя, и они в обнимку уселись под дубом, о чем-то шепчась.

Затем Домаш подхватил на руки длинноволосую нагую молодницу и неторопливо побрел со своей драгоценной ношей в глубь леса.

Фома, ребячась, гонялся за хохочущими и визжащими девушками с развевающимися волосами и легонько хлестал их тонким прутиком по округлым бедрам. У Потани разболелась нога, и он бессильно присел на сухой ствол поваленной ветром березы.

Василий присмотрел высокую, красиво сложенную девушку, которая носилась стремительно, как лань, виляя среди деревьев. Чувствуя, что Василий упорно преследует ее, красавица изменила направление бега и помчалась к реке. Василий не отставал от нее. В какой-

то миг он был всего в полусажени от ее мелькающих пяток, еще рывок – и Василий смог бы дотянуться рукой до длинного шлейфа волос незнакомки, растрепанных ветром. Споткнувшись на ухабе, Василий со всего маху шлепнулся наземь.

До реки было совсем рядом. Василий услышал, как девица вбежала в воду и укрылась в шелестящих камышах.

Василий выбежал из леса на низкий речной берег, озираясь вокруг. В камышовых зарослях мелькнула голова с распущенными длинными волосами и обнаженные девичьи плечи.

Василий ринулся напролом по камышам к тому месту, где он заметил беглянку. Василий был уверен, что догонит ее. Разве сможет нежная нагая девушка бежать через грубый остролистный камыш быстрее его! Но оказалось, что может. Василий потерял красавицу из виду, сколько ни бродил он в камышовых зарослях, сколько ни звал ее, все было напрасно.

«Перехитрила меня негодница! – думал Василий, устало выбираясь на берег. – Наверно, присела и выждала, когда я пройду мимо, а потом потихоньку улизнула в лес!»

Вылив воду из сапог, Василий побрел к лесу.

Вдруг он услышал тихий всплеск воды и оглянулся на реку. Над спокойной серебристой речной поверхностью виднелась голова плывущей к берегу девушки. Сердце Василия радостно забилося: «Так вот ты где, милая!»

Присев на изогнутый ствол древней ивы, Василий стал ждать, когда беглянка выйдет из воды.

Вот, ощутив дно под ногами, девушка встала на мелководье. Водяные струи с журчанием стекали с ее длинных русых волос, облепивших все ее тело, юное и соблазнительно прекрасное.

Девушка медленно приближалась, постепенно выходя из реки. Ее мокрая белая кожа на руках и бедрах отливала призрачным блеском в свете луны, голова незнакомки была опущена, словно она боялась споткнуться.

Василию показалось, что в девичьей фигуре появились какие-то изменения: то ли плечи стали поуже, то ли бедра обрели несколько иную стройность. И цвет волос у нее явно не светло-русый, а какой-то зеленоватый. И кожа... Какая неестественно белая у нее кожа!

Еще два-три шага, и девица ступит на сушу. Внезапно она резко подняла голову.

У Василия озноб прошел по спине и вмиг вспотели ладони. Борислава!

– Что же ты глядишь на меня, Васенька, такими круглыми глазами? – прошелестел тихий голос Бориславы. – Не узнаешь разве?

Василий набрал в грудь воздуха и проговорил:

– Чур меня! Если ты русалка, ступай откуда пришла. Если...

– Вместе пойдем, Васенька, – прошептала зеленоволосая и протянула руку Василию. – Только вместе! Я так долго ждала тебя. Вся истомилась!

Бледные, бескровные губы Бориславы раздвинулись в широкой улыбке. Василий с отвращением увидел у нее на деснах присосавшихся пиявок.

– Но ты не рад мне! – просвистел с угрозой голос утопленницы. Глаза на ее бледном лице зловеще сверкнули. – Дай руку!

Василий вскочил, видя, что руки Бориславы с длинными загнутыми ногтями все настойчивее тянутся к нему. Он попятился, спотыкаясь и едва не падая.

– Не уйди тебе от меня, Васенька, – молвила Борислава, ступив на песчаный берег. – Во всякой воде, стоячей и проточной, я буду подстерегать тебя. Никакие молитвы не спасут тебя от моих объятий. Иди же ко мне!

Василий повернулся и бросился бежать, как олень, преследуемый волками. Ему казалось, что страшная утопленница преследует его по пятам. Опамятовался Василий лишь

возле городских ворот. Рубаха на нем взмокла от пота, щеки горели огнем, грудь разрывало от нехватки воздуха.

Страж у воротной калитки с любопытством посмотрел на странного беглеца, вымотанного до крайней степени.

– Черти за тобой гнались, что ли? – насмешливо спросил он.

– Хуже, отец, – хрипло ответил Василий и бессильно привалился плечом к дубовым воротам.

– Да ты никак Василий, Буслаев сын?

Василий молча кивнул, продолжая отпыхиваться.

– Набедокурил иль от обидчиков спасаешься? – проявлял любопытство старый воин.

Василий не ответил, утирая рукавом обильно текущий по лицу пот. Он шагнул к воротной калитке и толкнул ее.

Потом Василий взглянул на стражника:

– Просьба у меня к тебе, отец. Коль увидишь ночью нагую девицу с зелеными волосами, не впускай ее в город.

Страж изумленно открыл рот и долго смотрел вслед Василию, который, шатаясь, удалялся по улице.

«Дивно, – подумал страж. – Во хмелю младень, а вином от него не пахнет».

* * *

До самого утра Василий не сомкнул глаз. Стоило ему смежить веки, как перед ним вставало лицо Бориславы, мерещилась ее страшная улыбка и голос утопленницы звучал у него в ушах. Едва рассвело и откукарекали первые петухи, предвестники зари, домой заявились побратимы, уставшие, но довольные. Все четверо завалились спать на сеновале.

Вскоре по двору забегала челядь. Конюх Матвей выгнал лошадей на пастбище. Анфиска спозаранку принялась топить баню: была пятница, банный день.

Поднялся и Василий. Не дожидаясь завтрака, он вышел из дому и зашагал к Никольской церкви, где с недавних пор состоял в ключарях иеромонах Кирилл, духовник Василия.

Иеромонах Кирилл всегда благоволил к своему воспитаннику. Вот и на этот раз он исповедовал его не в храме, а в своей тесной келье с единственным узким зарешеченным окном. Сквозь зеленоватое богемское стекло из окна кельи была видна стройная береза, в ветвях которой шумела целая стая галок.

– Видать, приперло тебя сильно, коль пришел ко мне ни свет ни заря, – ворчливо молвил ключарь, расчесывая гребешком свою окладистую бороду и длинные, до плеч, волосы.

– Приперло, отче, – мрачно проговорил Василий и поведал священнику об увиденном прошлой ночью.

Священник выслушал Василия, не спуская с него внимательных глаз.

– Мнится мне, дружок, бесовские силы охотятся за тобой, – заговорил отец Кирилл, когда Василий умолк. – Судя по всему, грехов на тебе не перечсть. Готов ли ты нынче же покаяться во всех своих прегрешениях?

– Готов, отче, – склонил голову Василий.

– Тогда отвори уста свои и молви только правду, как перед Богом, – торжественно произнес священник и перекрестил Василия. – Через это покаяние спасешь ты душу свою.

Василий с внутренним трепетом преклонил колени. Много грешил он, вспомнит ли все, что творил на трезвую голову, во хмелю и в гневе, нарушая заветы христианские? Но вспомнить надо.

Долго перечислял Василий совершенные им прелюбодеяния, увечья сверстников, нарушения постов, сквернословие, убийства, когда на море разбойничал. Молча внимал ему отец Кирилл.

Когда закончил Василий свою длинную исповедь, священник скорбным голосом вымолвил:

– Коля наложу я на тебя епитимью за весь твой блуд, кровопролитие и несоблюдение постов, то придется тебе, Вася, в монастырь идти грехи замаливать. Здесь обычным воздержанием да сухоядением не отделаешься. Только то, что ты два года в церкви не был и нечистую пищу вкушал, потянет на два года самого сурового покаяния. В рубище тебе придется ходить, на голом полу спать, людей не видеть, жить на воде и хлебе.

Василий вскинул глаза на священника:

– Не получится из меня схимника, отче. Лучше мне умереть, чем выносить такое.

– Кому-кому, а тебе помирать никак нельзя, грехов не замолив, – погрозил пальцем ключарь, – ибо душа твоя прямиком в ад отправится. Такие муки в аду примешь, какие тебе и не снились!

– Я боли не боюсь, – сказал Василий.

– Загробные муки вечные, – сурово пояснил священник, – их усилием воли не переможешь. Криком зайдешься, глаза на лоб вылезут, а легче не станет ни через месяц, ни через год. Никогда. Милости от слуг Сатаны ждать бесполезно. Милостив лишь Бог.

– По мне, лучше через испытания пройти во имя Бога и во искупление грехов, чем на хлебе и воде сидеть несколько лет, – промолвил Василий, просительно глядя на Кирилла. – Ты же знаешь, отче, опасностей я не боюсь. Возможно ли мое бесстрашие на пользу Господу употребить?

Священник ответил не сразу.

– В нынешнее лето собираются король французский и король германский идти, как встарь, крестовым походом в Палестину. Благословил их на это первосвященник Латинской Церкви – папа римский. Об этом много говорят немецкие купцы, прибывшие в Новгород. Всем участникам крестового похода прощаются все их прегрешения, вольные и невольные, ибо, ступив с оружием в руках на стезю Господню, крестоносцы становятся священной ратью. Смерть за святое дело есть почетнейшая из смертей. Так считают на Западе.

– А на Руси что об этом думают? – спросил Василий.

– Русские князья не участвовали в Первом крестовом походе и вряд ли примут участие во втором, – ответил отец Кирилл. – Папа римский и патриарх Константинопольский находятся во вражде друг с другом еще со времен Ярослава Мудрого. Их разъединяет спор об истинных символах веры и обоюдная анафема.

Василий слышал об этом, но никогда особенно в это не вникал. Латинян немало живет в Новгороде, хотя они молятся в своих храмах, новгородцы все же считают их братьями во Христе в отличие от мусульман.

– Так, может, я искуплю грехи свои участием в крестовом походе? – с надеждой в голосе произнес Василий, по-прежнему стоя на коленях.

– Для человека твоего склада – это самое лучшее искупление за грехи, – промолвил отец Кирилл, – но для этого тебе нужно добиться разрешения у новгородского епископа. Католики богослужение ладят по-своему, а ты окажешься единственным православным у них в войске...

– Почто единственным? – перебил священника Василий. – Друзья мои со мной пойдут. И молиться мы станем отдельно от латинян.

– Друзья? – удивился отец Кирилл.

– Тоже грешники, отче, каких поискать, – поднимаясь с колен, небрежно ответил Василий. – Вместе мы грешили, вместе и Богу послужим. Все веселее будет среди чужих людей!

– И много у тебя таких друзей, Василий?

– Друзей-то много, но все ли пойдут со мной в крестовый поход, не ведаю.

– Что ж, это отчасти упрощает дело. С епископом я договарюсь. Перед отправлением в поход тебе, Василий, и друзьям твоим надлежит дать обет помолиться в храме Гроба Господня в Иерусалиме и совершить омовение в реке Иордан.

– В какой реке? – взволнованно переспросил Василий.

– Иордан, – повторил священник. – Эта река течет в Святой земле. В ней некогда крестился сам Иисус. Недалеко от этой реки стоит и град Иерусалим.

Василию вспомнились слова волховицы, говорившей, что прославится он, если отыщет магические письмена на горе, возвышающейся над рекой Иордан.

– Я готов дать обет, отче, – твердо сказал Василий.

– Гляди, друже, коль не исполнишь обет, постигнет тебя гнев Господень, – предостерег отец Кирилл. – Исключением считается лишь смерть в походе.

– Я выполню обет, отче, – произнес Василий. И про себя добавил: «А заодно и прославлюсь!»

Глава седьмая

Сборы

С нескрываемым удивлением взирали новгородцы на глашатая, разъезжавшего верхом на коне по улицам города и зычным голосом провозглашавшего:

– Эй, молодцы удалые, знатные и простые! Кто с Богом не в ладу иль с совестью своей, ступайте на двор к Василию Буслаеву, вступайте в его дружину. Изготавливается Василий, сын Буслаевич, идти с крестовой ратью до Иерусалима, чтобы поклониться Гробу Господню и кровь за веру Христову пролить в сечах с иноверцами. Кто желает отпущение грехов получить, пусть идет в дружину Василия Буслаева один иль с другом. Всем простятся их прошлые прегрешения!

Проехал глашатай по всей Торговой стороне, затем повернул коня на Софийскую сторону. За ним стайкой бежали любопытные мальчишки.

Люди повсюду переговаривались между собой:

– Опять что-то Васька Буслаев задумал!

– О душе вдруг вспомнил. К чему бы это?

– Да нехристей пограбить хочет. Вот и весь сказ!

– Золотишком разжиться вознамерился Васька, а заодно и отпущение грехов получить. Хитер!

Однако народ в эти дни иная забота занимала. Вот-вот должен был сын Юрия Долгорукого в Новгород пожаловать. А это означало открытый вызов великому киевскому князю, который прочил на новгородский стол своего племянника взамен бежавшего брата. В воздухе пахло войной.

Василий нетерпеливо расхаживал по широкому двору, поглядывая на распахнутые настежь ворота, поджидал охотников до крестового похода. Солнце уже катилось к полудню, но пока еще никто не пожаловал на двор Василия.

На ступеньках крыльца сидели побратимы и с ними Анфиска.

Служанка тянула Домаша за рукав рубахи:

– Что у тебя за отчество такое – Осинович? Под осинкой родился, что ли? Иль отца твоего Осинком звали?

– Родителей своих я не помню, – отвечал Домаш. – Добрые люди нашли меня в корзине, висевшей на осиновом колу на окраине деревни. Вот и дали мне отчество Осинович.

– Уж лучше Осинович, чем какой-нибудь Подзашибович, – усмехнулся Фома. – Знал я одного такого смолокура в Белоозере.

– А у меня дружок был, так его звали Сикст Крысантиевич, – сказал Костя.

Анфиска засмеялась.

Хотел было и Потаня что-то добавить, но осекся на полуслове, увидев, что во двор вошел детина в косую сажень в плечах. Был он с котомкой, в лаптях и полинялой ветхой рубахе. Шагнул неуверенно, будто с повинной шел.

Василий с дружелюбной улыбкой шагнул ему навстречу.

– Здесь ли в святую дружину принимают? – спросил детина.

– Здесь, друже, – ответил Василий.

– А ты кто будешь?

– Василий Буслаев. А тебя как звать?

– Пересмета.

Василий стал знакомить Пересмету со своими друзьями, после чего с довольным видом потер руки:

– Ну вот, нашего полку прибыло!

– А девица тоже в дружине? – Пересмета ткнул пальцем в Анфиску, прислонившуюся к перилам крыльца.

За Василия ответил Потаня:

– Грешницам к нам в дружину путь тоже открыт.

Фома хихикнул.

Анфиска смутилась и убежала в дом.

– Это правильно, – с серьезным лицом промолвил Пересмета. – Грешница в крестовой рати не только от грехов избавиться сможет, но и мужа себе найти.

– Мудро подмечено, – заметил Потаня.

Вскоре во дворе появились еще двое желающих вступить в дружину, оба были хорошо известны Василию.

– Что, Викула, и тебя грехи к земле тянут? – усмехнулся Василий. – Ну а тебе-то, Ян, черти в аду давно кипящий котел приготовили. Доброго вам здоровья!

– И вам того же! – промолвил Ян. – Возьмете нас к себе?

– Без вас мы никуда! – сказал Фома и подмигнул Потане. – Без вас у нас никакое дело не заладится.

Затем пришли братья Сбродовичи, близнецы Савва и Пинна. Тоже давние дружки Василия.

За ними следом гурьбой пожаловали и прочие ушкуйники, ходившие с Василием к Хвалынскому морю. Подумали молодцы, что это для отвода глаз Василием про отпущение грехов шуток пущен, на деле же Василий решил сарацинским золотом мощну набить.

Взошел Василий на крыльцо и в короткой речи растолковал собравшимся, что он и впрямь за отпущением грехов в поход собрался. О злате и речи не может быть! Кто желает обогатиться, пусть сразу уходит.

Зашумели молодцы, заспорили между собой:

– Стоит ли головой рисковать ради отпущения грехов?

– Старые грехи простятся, а как новых избежать?

Василий поднял руку, призывая к тишине:

– Никого уговаривать не стану, ибо это дело совести каждого. Верно сказано: грехи можно и в монастыре замолить, неча ради этого за тридевять земель топать. Поэтому думайте три дня, кто надумает в дружину мою вступить, пусть опять сюда приходит. Вместе дадим обет в Софийском соборе – и в дорогу. Господь укажет нам верный путь!

Среди своих ушкуйников Василий заметил дружинника Худиона. Тот не кричал, не спорил, стоял смирно в сторонке.

«Уж не соглядатай ли?» – промелькнуло в голове у Василия.

Но оказалось, и Худион собрался идти в Святую землю.

– Да велики ли у тебя грехи? – улыбнулся Василий, выслушав дружинника.

– Велики-невелики, а есть, – сказал Худион. – Через три дня снова сюда приду.

Недолго шумела толпа на дворе у Василия Буслаева, вскоре разошлись молодцы по домам. Остались во дворе лишь двое. Пересмета и старичок с суковатой палкой в руке. Этим двоим идти было некуда.

– Все равно я намертво решил двигать в Святую землю, – сказал Василию Пересмета, – а посему дозволю у тебя остановиться. Работы я не боюсь, ночевать могу и на конюшне.

Василий велел Анфиске приодеть гостя и поселить его в одной светлице с побратимами.

Что делать со старичком, Василий не знал. Для начала пригласил его отобедать у себя в доме. За столом и разговорились.

– Как звать-величать тебя, дедушка? – спросил Василий.

– Прозвищ-то у меня много, – ответил дед, – но в крещении я наречен Пахомом.

- Неужто, дедуня, и ты в крестовый поход собрался? – полубопытствовал Потаня.
- Собрался, милоч.
- Не по силам тебе это, дедушка, – вставил Фома. – Годов-то, чай, много уже?
- Восьмой десяток ломаю.
- На печи бы сидел, чем куда-то идти, – сказал Домаш.

– Эх, соколики! – вздохнул старичок и вытянул вперед свои заскорузлые ладони. – Знали бы вы, сколько душ безвинных этими вот руками загублено. Разбойничал я всю свою жизнь, грабил и убивал. К старости занемог и оставил это дело. Построил дом, женился, детей заимел. Жил небедно. Токмо счастья все равно не было. Один за другим умерли детки мои, потом и супруга в мир иной отошла.

Понял я, что наказует меня Бог за грехи мои тяжкие, и решил искупить злодеяния свои благими делами. Добро награбленное монастырю пожаловал, дом беднякам подарил, коров и лошадей даром раздал всем желающим. Взял палку, котомку и отправился в Печерскую обитель.

Самому игумену во всем покался, просил позволения остаться при монастыре свой век доживать. Сжалился надо мной игумен, позволил с братией жить. Молился я денно и ночью ради спасения души своей, но все без толку. Чуть не каждую ночь бесы в келью мою стучались, дразнили меня, а в дни поминовения усопших души убиенных мною так толпой за мной и ходили.

Поседел я весь от страха. Надумал схоронить кости тех, кого без погребения в лесу лежать когда-то оставил. Хоть и стар я, но места, где разбойничал, помню хорошо.

Родом я из Ладоги. В тех краях и промышлял ножом да топориком. За три года кости шестнадцати человек я похоронил и кресты на могилах тех поставил. Ну, думаю, теперь-то сжалится надо мной Всевышний. Да не тут-то было! В Юрьевом монастыре, где я последнее время обретался, однажды на всенощной молитве было мне явление ангела небесного. Чуть не помер я от страха, когда он крылами надо мной захлопал. Опустился ангел на алтарь и молвит, что простятся мне на небе грехи мои, коль поклонюсь я Гробу Господню в граде Иерусалиме. Сказал и исчез, будто его и не бывало.

Василий и его побратимы сидели, как оглушенные громом. Вот так старичок божий одуванчик! Даже голодный Пересмета про еду забыл.

Первым в себя пришел Потаня:

- Не боишься, дедуня, что помрешь в дороге?
- Да я с превеликой охотой, потому как устал от такой жизни! – признался бывший злодей. – Тридцать три хвори я в себе ношу, а умереть никак не могу. Не дает мне Бог кончины за грехи мои. Страдаю я душой и телом хуже Каина! Не возьмете меня с собой – согрешите, ибо не по своей прихоти я в Святую землю напрашиваюсь, но по слову посланца Божия.

Побратимы переглянулись между собой, потом их взоры обратились к Василию.

– Коль так, дедуня, оставайся с нами, – сказал Василий. – Кто знает, может, и от тебя нам польза будет.

* * *

Прошло три дня.

На дворе у Василия опять шумит сборище с самого утра, но уже не столь многочисленное. Из тридцати друзей-ушкуйников только половина надумала послужить мечом Господу. Среди них, кроме четверки побратимов, оказались братья Сбродовичи, Викула Шорник, белобрысый Ян, боярские сыновья Лука и Моисей Доброславичи. Зачислены в дружину были Пересмета и дед Пахом. Пришел и Худион.

Торжественный молебен отслужил «христолюбивому русскому воинству» владыка новгородский под сводами Святой Софии. Присутствовали на службе и родственники Буслаевых дружинников. Амелфа Тимофеевна украдкой утирала слезы краем платка. Опасное дело затеял ее непоседливый сынок, хотя и славное. Заплаканными были глаза и у прочих женщин, пришедших в храм. Подле своей госпожи стояла Анфиска, которая украдкой молила Бога о том, чтобы заронил Вседержитель в сердце Василия хоть самую малую искорку любви к ней.

После молебна епископ окропил святой водой мечи и плащи Буслаевых дружинников с нашитыми на них красными крестами. Вся дружина Василия и он сам поклялись на святом распятии поклониться Гробу Господню и омыться в священной реке Иордан.

Выходя из храма, Василий заметил возле одной из колонн центрального нефа одинокую женскую фигуру в белой накидке. Он сразу узнал эти дивные синие очи!

– Здравствуй, Любава, – сказал Василий.

Молодица не ответила, пропуская идущих мимо людей, потом промолвила негромко:

– Здрав будь, Вася.

– Мужа поджидаешь, что ли? – спросил Василий. – Так нету его вроде в моей дружине.

– Тебя ожидаю, – опустив глаза, проговорила Любава.

Они вместе вышли из прохлады каменного собора на летний зной и не спеша направились к мосту через Волхов, но не ближним путем, каким двинулись друзья Василия, а дальней улицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.